

12m

— Это я—Мурзилка.

50
815

НОВЫЙ ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛКИ

■ ■ ■

ПОВѢСТЬ-СКАЗКА

О ПУТЕШЕСТВІЯХЪ, СТРАНСТВОВА-
НІЯХЪ, ШАЛОСТЯХЪ И ПРОКАЗАХЪ

МАЛЕНЬКИХЪ ЛѢСНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧКОВЪ

Съ рисунками П. Конса

■ ■ ■

ИЗДАНИЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-Петербургъ

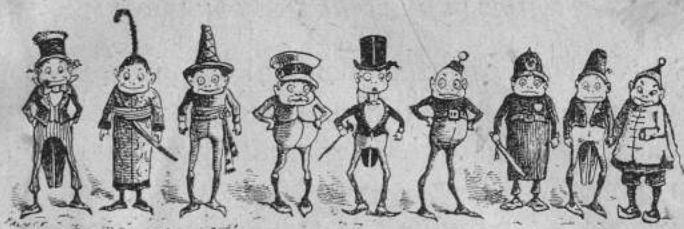
Москва

Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 || Кузн. Мостъ, 12 и Моховал, 23.

1911

ГО. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
П 1973 акт Р *П-468/1*

I.

Въ одно прекрасное весеннее утро къ станціи Москва съ шумомъ и грохотомъ подкатилъ паровозъ.

Въ этотъ ранній часъ по расписанію не ждали никакого поѣзда, а потому внезапное появленіе паровоза произвело большой переполохъ.

Начальникъ станціи и его три помощника быстро выскочили на платформу, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

Каково же было ихъ удивленіе, когда они увидали, что на паровозѣ не было ни машиниста, ни кочегара!

Вдругъ начальникъ станціи воскликнулъ, обращаясь къ своимъ помощникамъ:

— Посмотрите, господа! Паровозомъ-то управляютъ какія-то черныя букашки! Посмотрите же: онѣ облѣпили буквально весь паровозъ, сидятъ на крышѣ, на котлѣ, на колесахъ, на трубѣ... Одна изъ букашекъ забралась даже на фонарь паровоза...

— Что за чудо?!—бормоталъ старый помощникъ начальника станціи, — сколько лѣтъ служу на желѣзной дорогѣ, а никогда еще нечего подобнаго не видалъ.

— Это черные тараканы какіе-то, или саранча,—замѣтили въ голосъ два другихъ помощника.

Не вѣря своимъ глазамъ, пораженные, они не двигались съ мѣста. Ноги ихъ точно приросли къ платформѣ.

Такъ прошло нѣсколько мгновений.

Наконецъ, начальникъ станціи опомнился первый. Онъ быстро соскочилъ съ платформы, съ очевиднымъ намѣреніемъ захватить мнимыхъ букашекъ.

Но въ одинъ мигъ всѣ букашки спрыгнули съ паровоза и разбѣжались въ разныя стороны.

— Эй, сторожа, держите! ловите!—кричалъ начальникъ станціи.

Однако, какъ ни бѣгали, ни искали букашекъ всюду желѣзнодорожные сторожа, они ничего не нашли: всѣ букашки исчезли.

Букашки облѣпили весь паровозъ...

На самомъ дѣлѣ это были вовсе не букашки, а мы—маленькіе лѣсные человѣчки-эльфы.

Тотъ, кто насъ не знаетъ, думаетъ, что мы мошки или букашки. Но такихъ незнаю-

щихъ теперь немного: всѣмъ уже давно извѣстно, что мы, лѣсные человѣчки-эльфы—настоящіе люди, только ростомъ поменьше людей: самый высокій изъ насъ будетъ не выше мизинца новорожденного младенца, а головы у насъ—величиной съ головку обыкновенной булавки. Живемъ мы въ лѣсу. Наше царство расположено въ зеленомъ мху, между черными стволами деревьевъ и опавшими листьями. Тамъ у насъ есть свои города и селенія, есть дворцы, избышки, домики. Хорошо живетъ въ этомъ зеленомъ царствѣ, подъ перистыми листьями папоротника, въ чашечкахъ душистыхъ лѣсныхъ цвѣтовъ.

Только жить всегда въ дремучемъ лѣсу однимъ, съ лѣсными букашками и жучками, очень скучно. Поэтому отъ времени до времени мы оставляемъ наше царство и отправляемся путешествовать по бѣлу-свѣту, людей посмотрѣть, себя показать, поразвлечься, пошалить, напроказить, а иной разъ и помочь людямъ, сдѣлать какое-нибудь доброе, хорошее дѣло.

Впрочемъ, попадаться на глаза взрослымъ людямъ мы не любимъ: они такіе

большіе, такіе серьезные и страшные въ сравненіи съ нами, малютками-эльфами. Мы ихъ боимся.

Вотъ дѣти—другое дѣло. Съ дѣтьми мы въ большой дружбѣ. И дѣти всѣ знаютъ насъ и любятъ слушать веселые рассказы о нашихъ продѣлкахъ и путешествіяхъ. Объ этомъ написано уже нѣсколько книгъ. Тамъ рассказывается о всѣхъ насъ, лѣсныхъ человѣчкахъ. Тамъ можно прочесть и о приключеніяхъ самаго стараго изъ насъ—Дѣдки-Бородача, и о продѣлкахъ Скока, Знайки, Пучеглазки, Быструна, Вертушки, Шиворотъ-Навыворота, и о путешествіяхъ маленькаго китайца Чи-ка-чи, Эскимоса, Индѣйца и другихъ эльфовъ, о томъ, какой у насъ, эльфовъ, есть умный докторъ Мазъ-Перемазь, который умѣетъ быстро вылечивать всякія болѣзни, о рыбацкѣ Рикки, о стрѣлкѣ-охотникѣ Микѣ и, конечно, обо мнѣ—Мурзилкѣ.

Теперь мы отправились въ новое большое кругосвѣтное путешествіе. На этотъ разъ мы думаемъ объѣхать много странъ. Прежде всего мы захотѣли побывать въ Москвѣ, гдѣ многіе изъ насъ еще никогда не бы-

вали. Путешествіе по Москвѣ должно быть очень интересно. Это такой старинный городъ. Изъ Москвы мы двинемся на югъ, въ теплыя страны.

Чтобы наши друзья-дѣти знали объ этомъ путешествіи, я, Мурзилка, съ согласія всѣхъ другихъ лѣсныхъ малютокъ, рѣшилъ вести въ дорогѣ дневникъ. И я буду записывать рѣшительно все, что съ нами случится во время путешествія.

Итакъ, я приступаю.

II.

Наше путешествіе началось съ Москвы, куда-мы попали на паровозъ, приведя въ такое изумленіе всѣхъ на станціи.

Управлялъ паровозомъ Знайка, которому недаромъ дано было такое имя: онъ дѣйствительно все зналъ, на всѣ руки былъ мастеръ.

Воспользовавшись тѣмъ, что паровозъ стоялъ безъ присмотра у большого желѣзнодорожнаго зданія, такъ называемаго «депо», Знайка предложилъ прокатить всѣхъ насъ, лѣсныхъ человѣчковъ, на паровозъ.

Но нужно было сначала растопить па-

ровозъ, а между тѣмъ ни угля, ни дровъ на паровозѣ не было.

Не долго думая, мы срубили большое дерево, стоявшее близъ депо, раскололи его на мелкія части, бросили въ печь паровоза, налили въ котелъ воды и, когда появился паръ, двинулись въ путь въ Москву.

Я, Мурзилка, выбралъ себѣ самое опасное мѣсто—на фонарѣ. Я чуть было не сгорѣлъ или, вѣрнѣе, не изжарился: такъ горячо было мѣсто, гдѣ я сидѣлъ. Но... я храбро вынесъ всѣ страданія, между тѣмъ какъ другіе лѣсные человѣчки, сидѣвшіе со мною рядомъ,—Чумилка-Вѣдунъ, Карапузикъ и Кнопка,—не выдержали и у самой станціи спрыгнули внизъ.

Разбѣжавшись съ паровоза въ разныя стороны, чтобы не попасть людямъ въ руки, мы долго впотьмахъ искали другъ друга.

Наконецъ, всѣ сошлись вмѣстѣ.

Началась обычная перекличка.

Дѣдко-Бородачъ выкрикивалъ одно имя за другимъ:

— Скокъ?

— Здѣсь!—раздался тонкій голосъ.

— Вертушка?

— Здѣсь!	
— Докторъ Мазь-Перемазь?	
— Здѣсь!	
— Карапузикъ?	— Пучеглазка?
— Здѣсь!	— Здѣсь!
— Китаецъ Чи-	— Индѣецъ?
ка-чи?	И т. д., и т. д.

Мы срубили большое дерево...

Наконецъ раздался голосъ Дѣдки-Бородача:

— Мурзилка?

Я молчалъ.

— Мурзилка?—повторилъ Дѣдко-Бородачъ.—Мурзилка, гдѣ ты?

Онъ беретъ холодную ванну послѣ жаркаго путешествія на фонарѣ,—сострилъ Треуголка.

Я уже хотѣлъ обидѣться, но рѣшилъ, что не стоитъ: я отлично знаю, что лѣсные человѣчки часто смѣются надо мною, конечно изъ зависти, что я самый умный и самый храбрый между эльфами, и потому еще, что я одѣваюсь всегда по послѣдней модѣ и ни у кого изъ лѣсныхъ человѣчковъ нѣтъ ни такой шляпы, ни такой тросточки, ни такого стеклышка въ глазу, какъ у меня.

Когда оказалось, что всѣ лѣсные человѣчки налицо, Дѣдко-Бородачъ заговорилъ снова:

— Мы должны попросить кого-нибудь, кто хорошо знаетъ Москву, чтобы онъ показалъ намъ городъ. Кто знаетъ Москву?

— Я!—вскричалъ Знайка.

— И я!—подхватилъ я.

— Ты, Мурзилка, развѣ былъ въ Москвѣ?—удивился Бородачъ.

— Въ самой Москвѣ я не былъ, но отлично видѣлъ всю Москву, сидя на фонарѣ, когда мы подъѣзжали къ станціи,—отвѣтилъ я.

— Я, собственно, тоже не былъ самъ въ Москвѣ,—сказалъ Знайка,—а только мнѣ о ней такъ подробно рассказывали, что все

равно, что былъ. Я обо всемъ знаю, могу все вамъ показать...

Долго спорили, кого выбрать предводителемъ — Знайку или меня, — и, наконецъ, рѣшили выбрать Знайку.

— Итакъ, друзья, — началъ Знайка, когда его выбрали, — мы приступимъ къ осмотру Москвы. Прежде всего я поведу васъ въ Кремль: это самое важное мѣсто въ Москвѣ.

Мы отправилсъ. Трудно перечислить всѣ улицы, бульвары, площади, по которымъ мы проходили: ихъ было безъ конца. Мы странствовали по городу болѣе половины дня, пока, наконецъ, совершенно не выбились изъ силъ.

— А почему бы намъ не воспользоваться трамваемъ? — предложилъ, наконецъ, кто-то. — Это было бы гораздо скорѣе.

Мы рѣшили попробовать. Подошли къ первой же остановкѣ трамваевъ, дождались вагона, но пришлось остаться на мѣстѣ ждать второго вагона. Оказалось, что при нашемъ маленькомъ ростѣ было совершенно невозможно вскочить на подножку трамвая. Одинъ только Скокъ, прыгавшій лучше всѣхъ, за

что и получилъ свое имя, вскочилъ въ трамвай и укатилъ впередъ. Подошелъ второй трамвай. Мы опять попытались вскочить и такъ же безуспѣшно. Прошло мимо еще нѣсколько вагоновъ, а мы все стояли на мѣстѣ.

— Лучше ужъ идти пѣшкомъ! — замѣтилъ Рикки.

— Стойте, я придумалъ! — вскричалъ вдругъ радостно Заячья Губа. — Дѣлайте то же, что и я. Смотрите!

Съ этими словами, онъ вскочилъ на сапогъ какого-то господина, входившаго въ трамвай, и вмѣстѣ съ нимъ очутился внутри вагона. Его примѣру послѣдовали и остальные. Скоро мы всѣ были въ вагонѣ. Послѣднимъ попалъ въ трамвай я, такъ какъ долго выбиралъ, за чью бы ногу уцѣпиться. Дѣло въ томъ, что отъ растаявшаго на улицѣ снѣга и грязи ноги всѣхъ были довольно сомнительной чистоты, и я боялся испачкать свой костюмъ. Вѣроятно я долго еще выбиралъ бы, если бы не Знайка, который рѣшительно заявилъ, что больше ждать меня не будутъ. Второпяхъ я вскочилъ на чью-то грязную калошу, перепачкалъ свой

костюмъ и, къ довершенію несчастья, чуть не уронилъ съ головы свой цилиндръ.

Мы ѣхали долго. Наконецъ, трамвай остановился, и вся публика изъ него вышла. Мы послѣдовали за всѣми.

Нельзя сказать, чтобы путешествовать по Москвѣ было пріятно, особенно тому, кому, какъ намъ, приходится пробираться украдкой, чтобы не попасть на глаза людямъ. Мы долго блуждали по безконечнымъ улицамъ.

Наконецъ Знайка радостно воскликнулъ:

— Вотъ, смотрите, передъ нами Кремль! Видите эти стѣны: это—стѣны Кремля, а вотъ этотъ колоколъ — это Царь-Колоколъ.

— Гдѣ, гдѣ?

— А вотъ тутъ, около этой рѣшетки!

Въ самомъ дѣлѣ, на землѣ, около желѣзной ограды, стоялъ огромнѣйшій колоколъ. Такого великана я никогда еще въ жизни не видѣлъ. Неподалеку виднѣлась большая церковь. Возлѣ нея стояла порядочная толпа народа.

— Ну, друзья, — говорилъ, между тѣмъ, Знайка, — не теряйте времени. Пойдемте.

обойдемъ колоколъ со всѣхъ сторонъ. Видите, какой онъ огромный! Онъ очень старый, ему уже нѣсколько сотенъ лѣтъ.

— А почему его не повѣсили на колокольнѣ? — спросилъ Заячья Губа.

— Потому что онъ такъ тяжелъ, что его трудно поднять.

— А я слышалъ, что его пробовали поднять, — заговорилъ Дѣдко-Бородачъ, — да онъ сорвался и при паденіи отъ него откололся порядочный кусокъ.

— Я тоже это слышалъ! — замѣтилъ я.

— И я! И я! — подхватили нѣсколько голосовъ.

— А гдѣ же онъ разбитъ?

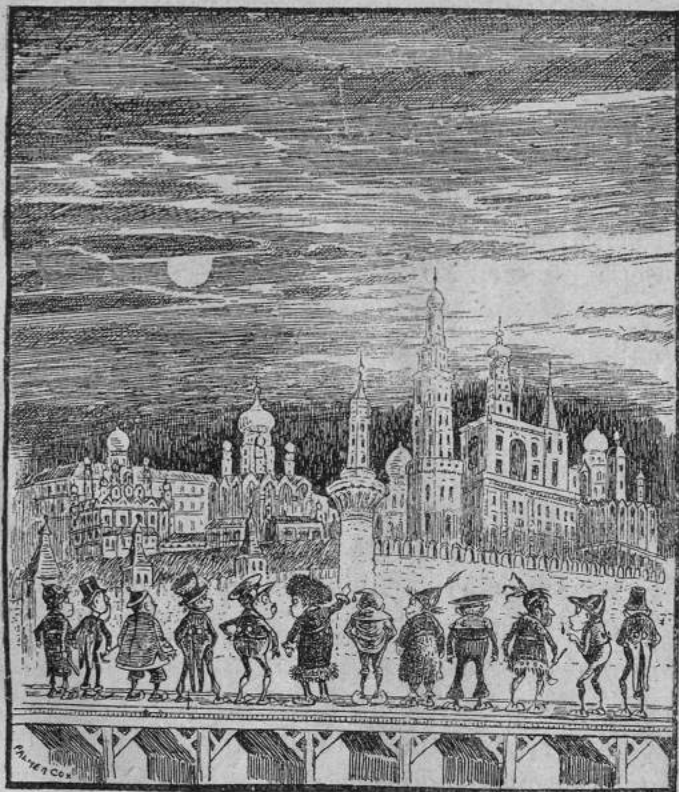
Мы обошли колоколъ со всѣхъ сторонъ пока, наконецъ, замѣтили отверстіе. Вошли во внутрь колокола, ходили, разсмотрѣли отбитый кусокъ.

Я попробовалъ ударить по колоколу своей тросточкой. Колоколъ издалъ пріятный густой гулъ.

— Видите, какъ онъ гудитъ! — замѣтилъ Знайка, — сейчасъ видно, что Царь-Колоколъ.

— Слѣдовало бы какъ нибудь отмѣтить

что мы были здѣсь, — предложилъ докторъ Мазь-Перемазь.

— Вотъ, смотрите, перелъ нами Кремль...

— Недурно было бы! Но какъ? — отозвались многие.

— Я придумалъ!—вскричалъ я.

Схвативъ свою булавку изъ галстуха, я началъ выцарапывать на колоколѣ слова: *«здесь былъ Мурзилка»*. Вышло отлично. Другіе послѣдовали моему примѣру.

Осмотрѣвъ Царь-Колоколъ, мы пошли осматривать Царь-Пушку.

— Вотъ бы намъ пострѣлять изъ этой пушки! — замѣтилъ я. — Тутъ, кстати, и ядра рядомъ лежатъ.

— Что еще выдумалъ! Развѣ мы справимся!—замѣтилъ Бородачъ.

— Отчего же? — поддержалъ меня охотникъ и стрѣлокъ Микъ.—Я умѣю обращаться съ ружьемъ, а ужъ съ пушкой-то справиться нетрудно.

— А въ самомъ дѣлѣ, какъ было бы славно поднять вдругъ пальбу на всю Москву. Всѣ бы люди перепугались, забѣгали, стали бы узнавать, что случилось. А мы въ это время спрятались бы!

— Что вы выдумали? Довольно болтать пустяки!—разсердился докторъ Мазь-Перемазь.

— Идемте, поднимемся на колокольню Ивана Великаго, — предложилъ Скокъ, — она тутъ же сейчасъ.

Мы подошли къ колокольнѣ и попытались посмотрѣть вверхъ. Она была такъ высока, что верхъ ея терялся гдѣ-то въ небѣ.

Закидывая головы, чтобы взглянуть вверхъ на Ивана Великаго, мы всѣ разроняли свои шляпы и фуражки, но верхушки колокольни такъ и не разглядѣли.

— Вы какъ хотите, а я отказываюсь лѣзть на такую высоту, — сказалъ Мазь-Перемазъ, отыскивая на землѣ свой котелокъ-шляпу, валявшійся въ грязи. — Если мы уже теперь растеряли свои шляпы, то что будетъ тамъ наверху?

— Что ты? какъ можно! — возражалъ Знайка. — Кто на Иванѣ Великомъ не бывалъ, тотъ и Москвы не видалъ.

— Намъ придется туда взбираться по крайней мѣрѣ дня два-три, — заговорилъ Бородачъ, — а тутъ теперь такой холодъ, что лучше поскорѣе осмотрѣть остальные достопримѣчательности Москвы да ѣхать куда-нибудь на ночь дальше.

— Я предлагаю вмѣсто колокольни отправиться въ Зоологическій садъ. Это гораздо интереснѣе! — сказалъ Заячья Губа.

— А мнѣ бы хотѣлось осмотрѣть нѣкоторые дворцы здѣсь, въ Кремлѣ, и Грановитую палату, — возразилъ Мазь-Перемазь.

Поднялся споръ куда идти. Большинство согласилось, однако, съ докторомъ, и мы отправились на осмотръ.

Грановитая палата привела насъ въ восторгъ. Никогда еще намъ не приходилось видѣть такой массы золота, серебра, драгоценностей. Другимъ понравились различные золотые кубки и блюда старинной работы, но меня больше всего заинтересовали роскошныя древнія царскія одѣянія изъ золотой парчи, усѣянныя драгоценными камнями.

Воображаю, какъ красиво выглядѣлъ бы я въ такомъ костюмѣ. Жаль, что не было возможности хоть на минутку накинуть на себя ни одного изъ нихъ: во-первыхъ, тутъ были на каждомъ шагу сторожа, и, во-вторыхъ, всѣ эти одежды были бы слишкомъ велики для меня.

Изъ Грановитой палаты мы прошли въ палаты бояръ Романовыхъ, которыя мнѣ не особенно понравились. Здѣсь тѣсно, довольно темно и нѣтъ такой роскоши, какъ въ Грановитой палатѣ.

Пройдясь по Кремлю, мы вышли, наконецъ, изъ него и пошли посмотрѣть на Москву-рѣку. Полюбовавшись еще разъ открывавшимся отсюда видомъ на Кремль, на его бѣлыя зубчатая стѣны, мы отправились обѣдать—одни въ ресторанъ «Славянскій базаръ», другіе — въ ресторанъ «Москва». Затѣмъ, въ десять часовъ вечера, всѣ собрались на вокзалъ. Раздался третій звонокъ. Пославъ прощальный привѣтъ Москвѣ, мы двинулись въ путь. Прощай, Москва, съ холодными ночами и мокрыми отъ снѣга улицами! Черезъ три дня мы будемъ подъ горячимъ солнцемъ Италіи!

Ш.

Ы предполагали ѣхать въ Ита-
лію по желѣзной дорогѣ, но
въ послѣднюю минуту рѣ-
шили иначе.

И вотъ почему.

Когда мы подходили къ вокзалу, вдругъ
я первый замѣтилъ подъ облаками какое-
то огромное чудовище, которое качалось
въ воздухѣ и шипѣло, точно мельница.

— Эй, братцы, поглядите-ка на небо!—
воскликнулъ я.

Всѣ эльфы, какъ одинъ человѣкъ, подняли головы къ небу. Многіе отъ удивленія рты разинули.

— Ахъ, это воздушный корабль! — воскликнулъ Знайка.

— Ты хотѣлъ сказать, — воздушный шаръ? — замѣтилъ Скокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, именно корабль или, какъ его иначе называютъ, дирижабль, — возразилъ Знайка.

— Воздушный шаръ, воздушный корабль или дирижабль — не все ли равно? — вмѣшался Матросикъ.

— Совсѣмъ не все равно, — объяснилъ Знайка, — дирижабль это такой воздушный корабль, который летитъ туда, куда хотятъ сидящіе въ его лодкѣ, т.-е. его можно направлять куда угодно; а простой воздушный шаръ летитъ туда, куда его понесетъ вѣтеръ.

Въ то время, когда происходилъ этотъ разговоръ, воздушный корабль приближался все больше и больше, такъ что мы легко могли его рассмотреть.

Корабль состоялъ изъ длинной корзины, впереди которой находился руль. Корзина

была прикрѣплена на веревкахъ къ странному парусинному шару, имѣвшему форму длинной сигары, по бокамъ которой находились два быстро вертѣвшихся колеса. Съ лодки была спущена внизъ на землю веревка.

— Братцы, взберемся по этой веревкѣ на шаръ и полетимъ по воздуху!—предложилъ Матросикъ и, не дождавшись отвѣта, схватился съ ловкостью настоящаго матроса за веревку и сталъ по ней взбираться наверхъ. Его примѣру послѣдовали и другіе, кто какъ умѣлъ.

Вскорѣ всѣ мы, лѣсные человѣчки, уже сидѣли: кто въ корзинѣ, кто на длинной сигарѣ, кто на веревкахъ, соединявшихъ ее съ сигарой.

Знайка, тщательно осмотрѣвъ корзину, замѣтилъ, что тамъ находится такъ называемый моторъ, и пустилъ его въ ходъ.

Корабль взвился высоко-высоко и, сдѣлавъ крутой поворотъ, полетѣлъ туда, куда его направилъ Знайка.

Я помѣстился у самага борта корзины-лодки и смотрѣлъ сквозь мое стеклышко на птицъ, летавшихъ вокругъ нашего воз-

душнаго корабля и очевидно очень удивлявшихся страннымъ путешественникамъ.

Летѣли мы долго. Подъ нами видны были города, села, деревни, поля, луга, лѣса, озера, рѣки.

— Вотъ это городъ Варшава... вотъ граница Россіи... вотъ здѣсь начинается Австрія... а вотъ и столица Австріи, Вѣна... Еще немножко, и мы уже будемъ въ Италіи, — раздавались объясненія Знайки, который такъ хорошо зналъ весь путь, что узнавалъ сразу всѣ мѣстности, надъ которыми мы пролетали.

Но вотъ передъ нами показалось море.

Мы сидѣли на веревкахъ...

Въ это же самое время Знайка замѣтилъ, что въ моторѣ что-то испортилось и что намъ придется спуститься въ море.

— Но вѣдь мы же всѣ утонемъ!—испуганно воскликнулъ Треуголка.

— Нѣтъ, не бойтесь. Эта корзина-лодка такъ устроена, что она будетъ держаться на водѣ, и мы какъ-нибудь доберемся на ней до берега, а то, быть можетъ, попадется на пути пароходъ, который заберетъ насъ всѣхъ.

Между тѣмъ мы спускались все ниже и ниже къ морю.

— Глядите, глядите, какія страшныя рыбы тутъ въ водѣ!—воскликнулъ Турокъ.

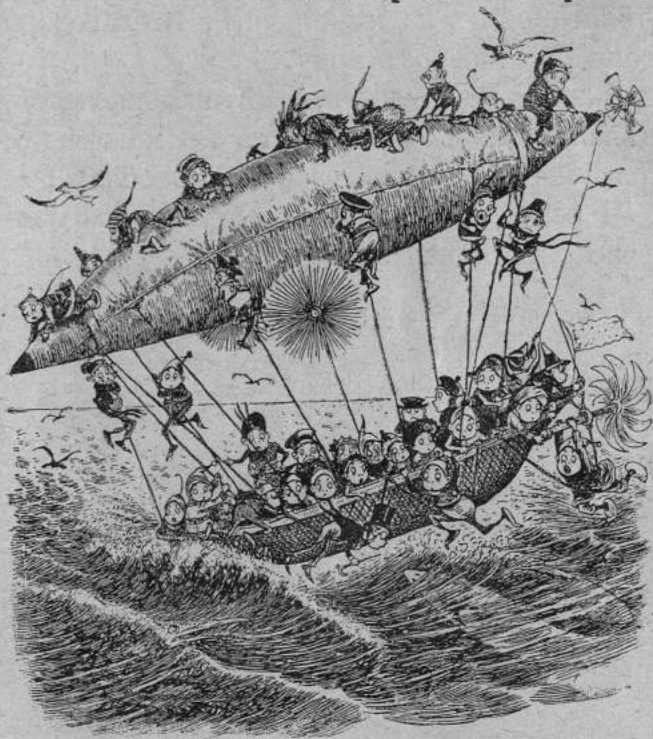
— Это акулы, — сказалъ Рикки, — онѣ очевидно думаютъ, что имъ достанется хорошая добыча, какъ только мы спустимся на воду.

— Я полагаю, что не особенно пріятно быть съѣденнымъ акулою,—замѣтилъ Карпузикъ.

Въ это время сильнымъ порывомъ вѣтра качнуло нашъ корабль такъ, что нѣсколько изъ насъ, лѣсныхъ человѣчковъ, вылетѣли

изъ лодки-корзины и едва удержались кто за бортъ, кто за руль.

Въ числѣ тѣхъ, которыхъ вѣтеръ вы-

Я повисъ на веревкѣ, прикрѣпленной къ лодкѣ-корзинѣ... толкнулъ изъ лодки, былъ и я, Мурзилка. Еще мгновенье—и я очутился бы въ пасти страшной акулы, которая уже высунула

изъ воды свою голову, чтобы проглотить меня.

Къ счастью, я повисъ на веревкѣ, прикрѣпленной къ лодкѣ-корзинѣ, и благодаря этому не упалъ въ воду.

Знайка, между тѣмъ, замѣтилъ опасность, сдѣлалъ какой-то поворотъ въ моторѣ, и нашъ корабль опять взвился въ облака.

Черезъ три минуты мы уже благополучно спустились на берегъ.

IV.

— Ура! Приѣхали! Стопъ!
Поздравляю, господа! — заговорилъ Знайка, когда нашъ воздушный корабль плавно опустился на землю.

Ура! Ура! — закричали мы разомъ и моментально выскочили изъ корзины.

— Мы были на берегу моря. Невдалекѣ виднѣлся какой-то небольшой городокъ.

— Гдѣ мы? — спросилъ Дѣдко-Бородачъ.

— Въ Италіи, — увѣренно отвѣтилъ Знайка.

— А гдѣ именно?

— Не знаю! Вотъ посмотримъ!

Мы быстро зашагали къ городу, около котораго спустились.

— Съ чего же мы начнемъ наше первое знакомство съ Италіей?—спросилъ Скокъ.

— Нужно бы раздобыть географическую карту и путеводитель по Италіи,—замѣтилъ Чи-ка-чи, много путешествовавшій въ своей жизни.

— Къ чему карту? Я все знаю и безъ карты,—обидѣлся Знайка.

Однако, большинство эльфовъ рѣшило все-таки пріобрѣсти карту.

Знайка надулся, но промолчалъ.

Попавъ въ городъ, который оказался очень маленькимъ, чуть не деревней, мы долго напрасно искали книжнаго магазина. Наконецъ, совершенно случайно мы очутились передъ зданіемъ какой-то школы.

— Превосходная мысль! — воскликнулъ вдругъ Скокъ, ударяя себя по лбу.

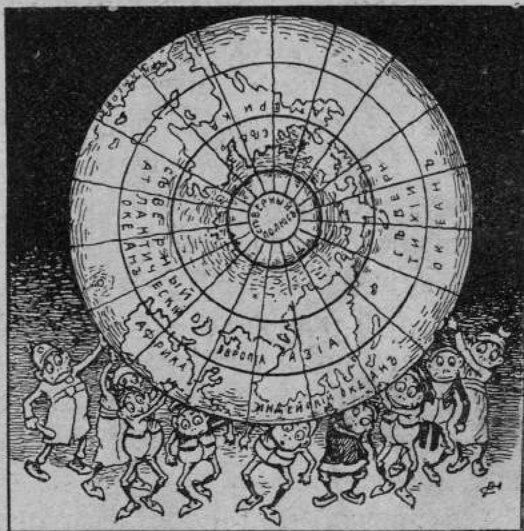
— Въ чемъ дѣло?

— Здѣсь мы достанемъ любую карту!—заговорилъ снова Скокъ.

— Гдѣ?—удивился я.

— Въ школѣ! Навѣрно, тамъ много какихъ-угодно картъ.

— Молодецъ Скокъ! — похвалилъ докторъ Мазъ-Перемазъ. — Гдѣ-жъ и быть картамъ, какъ не въ школѣ!

Мы окружили глобусъ...

Живѣе туда!

Черезъ пять минутъ мы были уже въ пустыхъ классахъ школы. Ничего не было легче, какъ отыскать карты. Но ихъ оказалось очень много! Какую же изъ нихъ

взять? Вѣдь мы собирались совершить кругосвѣтное путешествіе. Не всѣ же карты тащить?—Это слишкомъ много!

— Господа, а это что за штука?—спросилъ вдругъ Треуголка, указывая на какой-то большой пестрый стеклянный шаръ.

— Это глобусъ, изображающій земной шаръ! — объяснилъ Знайка.—Да чего же еще лучше! — воскликнулъ онъ вдругъ. — Вмѣсто картъ возьмемъ глобусъ. Тутъ вся земля будетъ передъ нами.

— Отлично! Браво, Скокъ! Умница! — закричали всѣ.

Всей толпой мы окружили глобусъ и подхватили его на плечи.

— А на чемъ же его ставятъ?—спросилъ я, — вѣдь такъ онъ не будетъ держаться.

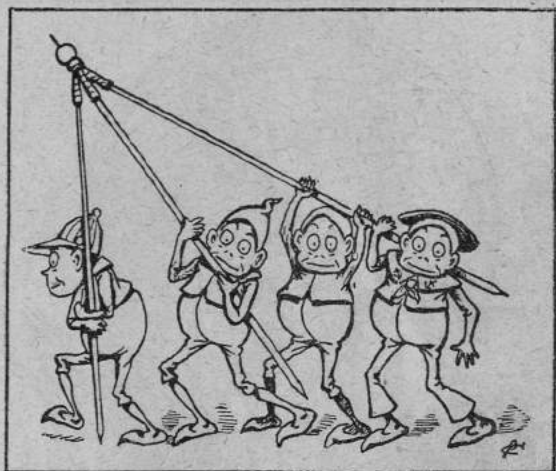
— А вотъ на этой подставкѣ-треножникъ.

— Бери, ребята, и подставку!

Заячья Губа, Скокъ, Матросикъ и Пуговица схватили подставку, и шествіе двинулось.

Когда мы тащили глобусъ къ выходу, кто-то вдругъ споткнулся о порогъ.

Толчокъ передался другимъ. Кто-то свалился. За нимъ упало еще нѣсколько малютокъ. Глобусъ дрогнулъ и... разбился. Раздался звонъ стекла, испуганные крики,

— Бери, ребята, и подставку...

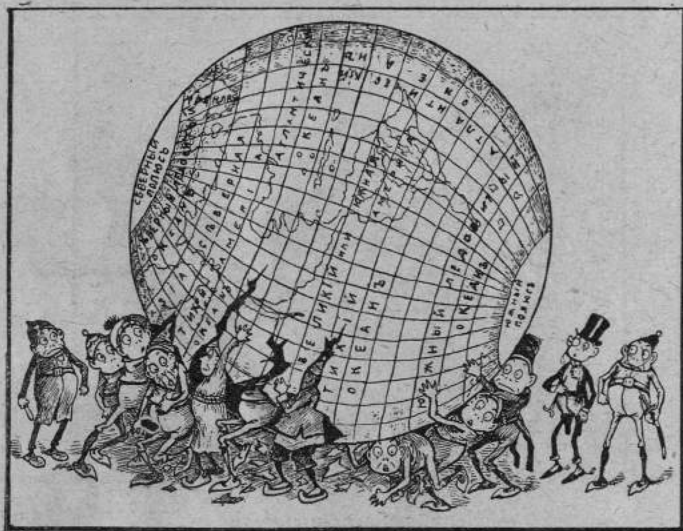
стоны... Оказалось, что у многихъ были ранены головы, а Скоку осколкомъ стекла поранило даже глазъ.

— Докторъ, скорѣй на помощь! Ай-ай-ой! Больно.

— Докторъ, помогите! — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Докторъ Мазь-Перемазь метался отъ одного раненаго къ другому, не зная, кому первому подать помощь.

Наконецъ, всѣ пострадавшіе были уса-

Глобусъ дрогнулъ и разбился...

жены на одну скамейку. Ихъ было пятеро. Мазь-Перемазь осмотрѣлъ раны и сказалъ:

— Пустяки! Легкія царапины! Сейчасъ я перевяжу ихъ. Помогите-ка мнѣ кто-нибудь!

Дѣдко-Бородачъ и Индѣецъ вызвались помогать.

Докторъ порылся въ своей походной аптечкѣ и, доставъ оттуда нѣсколько склянокъ съ лекарствомъ, быстро принялся за дѣло.

Дѣдко-Бородачъ и Индѣецъ усердно по-

Дѣдко Бородачъ и Индѣецъ усердно помогали ему...

могали ему. Скоро всѣ раны были перевязаны, и мы могли двинуться дальше.

Вдругъ Треуголка выглянулъ въ окно.

— Господа, какой дождь на дворѣ!— воскликнулъ онъ.

— Что дѣлать? Вѣдь у насъ нѣтъ ни калошъ, ни зонтиковъ! Придется ждать!— сказалъ я. — Не портить же подъ дождемъ платья!

— Ну, вотъ еще, что выдумалъ — ждать! — возразилъ Карапузикъ. — Что сдѣлается нашимъ костюмамъ?

— Однако, идти подъ дождемъ непріятно! — поддерживали меня нѣкоторые.

Другіе были за то, чтобы идти дальше, несмотря на дождь.

— Неужели ни у кого нѣтъ зонта? — говорилъ Тузилка.

— Не можете же вы всѣ спрятаться подъ моимъ зонтикомъ! — сказалъ Фунтикъ, никогда не расстававшійся съ калошами и огромнымъ дождевымъ зонтомъ.

— А зачѣмъ намъ зонтики, когда тутъ столько книгъ? — сказалъ находчивый китаецъ Чи-ка-чи. — Раскрылъ книгу, надѣлъ на голову, вотъ и готово!

Мы всѣ послѣдовали мудрому совѣту, вынесли цѣлую кучу книгъ и, закрывшись ими, храбро выступили на улицу.

Фунтикъ, Вертушка и Треуголка захватили съ собой еще по нѣсколько книгъ, чтобъ почитать ихъ потомъ какъ-нибудь на досугѣ. Скокъ тоже взялъ съ собой двѣ книги, а вмѣсто зонтика прикрылся географической картой.

Такъ мы шли довольно долго. Книги наши намокли и тащить ихъ стало очень тяжело. Дождь, между прочимъ, совсѣмъ пересталъ. Мнѣ давно уже надоѣло тащить книгу.

Мы вынесли цѣлую кучу книгъ...

Недолго думая, я ее бросилъ и быстро зашагалъ впередъ.

Вдругъ передо мной выросъ высокій деревянный заборъ. Вправо и влево тянулъ онъ, совершенно заграждая дорогу.

Куда же идти?

Я минуту подумалъ и... вскочилъ на него. За заборомъ тянулись деревянные мостки, устроенные надъ канавой.

Я расправилъ фалды своего фрака, поправилъ стеклышко и цилиндръ, нацѣлился, но... трахъ-трахъ-кракъ... мостки подломились, и я очутился въ канавѣ.

— Караулъ... спасите... помогите! — закричалъ я благимъ матомъ.

Къ счастью, въ эту минуту всѣ лѣс-

Закрывшись книгами, мы выступили на улицу. .

ные малютки были уже у забора и во-время успѣли мнѣ помочь.

Матросикъ подбѣжалъ ко мнѣ и схватилъ меня за руки.

Я отдѣлался только испугомъ и тѣмъ, что испортилъ свой костюмъ.

Еще не успѣлъ я вылѣзть изъ канавы, какъ споткнулся Дѣдко-Бородачъ и растянулся прямо въ самую грязь.

Оправившись отъ испуга, почистившись, насколько было возможно, мы рѣшили двинуться дальше. Однако, наши костюмы были

Матросикъ подбѣжалъ ко мнѣ и схватилъ меня за руки...

въ такомъ отчаянномъ видѣ, что путешествовать въ нихъ по городу было рѣшительно невозможно.

Огорченные, усталые, грязные и голодные, мы рѣшили пробраться снова къ своему дирижаблю, чтобъ, поднявшись на немъ, опуститься гдѣ-нибудь въ болѣе интересномъ мѣстѣ, чѣмъ этотъ захудалый городокъ.

Однако, не успѣли мы еще дойти до нашего воздушнаго корабля, какъ нашъ планъ измѣнился.

Идя берегомъ моря, мы услышали вдругъ разговоръ двухъ рыбаковъ, изъ котораго поняли, что они сегодня же со своей лодкой отправляются моремъ на базаръ въ Венецію.

— Въ Венецію!—воскликнулъ Знайка.— Вотъ чудесно! Я и не зналъ, что мы такъ близко отъ этого удивительнаго города! Это совсѣмъ необыкновенный городъ!—продолжалъ Знайка.

— А чѣмъ онъ замѣчателенъ? — спросилъ я.

— Сами увидите! — лукаво отвѣтилъ Знайка.

Незамѣтно для рыбаковъ мы ловко, одинъ за другимъ, вскочили въ ихъ лодку, спрятались на ея днѣ и стали ждать.

Ожидать пришлось недолго. Скоро мы двинулись въ путь.

Что за чудная это была прогулка по морю! Небо — чистое, темно-синее, бездонное; море — тихое, тихое, голубое, какъ бирюза!

Мы не переставали хвалить итальянское небо и море и восхищаться поѣздкой. Но нашъ восторгъ увеличился еще болѣе, когда мы подѣхали къ городу и повернули на лодкѣ въ одну изъ его улицъ. Оказалось, что Венеція совсѣмъ необыкновенный городъ: тамъ всюду вмѣсто улицъ — каналы, а вмѣсто экипажей — лодки.

Полные изумленія и восторга, забывъ и объ усталости, и о голодѣ, смотрѣли мы вокругъ себя. По темнымъ узкимъ каналамъ, окруженнымъ великолѣпными старинными домами и дворцами, скользили большія узкія венеціанскія лодки... Всюду слышался пріятный итальянскій говоръ, оживленный смѣхъ, даже пѣсни. Повидимому, итальянцы очень живой, веселый народъ.

— Какъ только наша лодка причалить, — сказалъ Знайка, — мы сойдемъ съ нея, возьмемъ гондолу и прокатимся по лучшимъ улицамъ Венеціи.

— Что такое гондола?—спросилъ Скокъ.

— А это лодки, замѣняющія тутъ экипажи. Вотъ посмотрите!

Мимо насъ во всѣхъ направлѣнiяхъ сновали гондолы.

Рыбаки довели насъ до большой площади, гдѣ происходятъ базары, и мы тамъ такъ же незамѣтно покинули ихъ лодку, какъ и влѣзли въ нее.

— Знаете что, господа? — заговорилъ докторъ Мазъ-Перемазъ, — я предлагаю теперь, прежде чѣмъ кататься въ гондолѣ, пойти гдѣ-нибудь пообѣдать хорошенько, а потомъ уже и гулять.

Всѣ единодушно приняли его предложенiе и направились въ ближайшую же гостиницу.

Послѣ плотнаго обѣда, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ разной рыбы, излюбленныхъ итальянскихъ макаронъ и фруктовъ, мы рѣшили немного отдохнуть.

Мнѣ казалось, что я спалъ не болѣе получаса, какъ вдругъ услыхалъ надъ самымъ своимъ ухомъ громкіе звуки шарманки.

Недоумѣвая, вскочилъ я съ постели, — и что-же?

Въ комнатѣ стоялъ проказникъ Вертушка около шарманки и отчаянно крутилъ ея ручку. Хриплая, старая шарманка заунывно играла какую-то старинную итальянскую пѣсенку. Сверху ящика, привязанная цѣпочкой, танцевала тощая, маленькая обезьяна.

Всѣ лѣсные малютки, разбуженные и испуганные музыкой, недоумѣваяще протирали себѣ глаза.

— Вертушка, что это тебѣ вздумалось?—зѣвая, заговорилъ Чумилка-Вѣдунъ. — Только спать помѣшалъ! Не мѣшай!

Стоялъ проказникъ Вертушка около шарманки...

Но Вертушка, смѣясь и кривляясь, еще живѣе завертѣлъ ручку шарманки и громко запѣлъ:

Вставайте, сони,
Полно спать!
Пойдемте лучше
Погулять!
Смотрите-ка
Скорѣй въ окно,
Гондола ждетъ насъ
Тамъ давно.

— Тсс... тише, тише, Вертушка! — закричалъ Тузилка, вбѣгая въ комнату. — Наши сосѣди сердятся на шумъ, еще жаловаться будутъ.

— Пойдемте лучше
Погуля-ять!

пѣлъ, между тѣмъ, не унимаясь, Вертушка.

— Господа, а вѣдь и правда, насъ ждетъ гондола! — проговорилъ Дѣдко-Бородачъ, заглянувъ за окно.

Мы взглянули на улицу. Около гондолы на мостикѣ стоялъ Матросикъ съ большимъ весломъ въ рукахъ.

На мостикѣ
стоялъ Ма-
тросикъ...

Мы живо одѣлись и выскочили на улицу.

Гондола оказалась небольшой, и мы съ трудомъ въ ней помѣстились.

Около двухъ часовъ катались мы по каналамъ Венеціи, любуясь роскошными старинными постройками, удивительно красивыми мостиками и пестрой суетой на каналахъ. Особенно намъ понравился знаменитый большой дворецъ, который, какъ объяснилъ Знайка, называется «Дворецъ до-

жей». Также понравился намъ старый соборъ Св. Марка.

Гондола налетѣла на каменный мостъ...

— Святой Маркъ считается покровителемъ Венеціи, — сказалъ намъ опять Знайка.

— Воображаю, какъ красива Венеція

вечеромъ, когда всюду сверкають огни, — заговорилъ Матросикъ, бывшій нашимъ гондольеромъ, т. е. управлявшій гондолой. — Представьте себѣ всюду разноцвѣтные фонарики, таинственный полумракъ, гладкія воды каналовъ и...

Онъ не успѣлъ окончить, какъ раздался трескъ и отчаянные крики: — «Тонемъ, тонемъ!»

Матросикъ такъ увлекся, что не замѣтилъ, какъ гондола налетѣла на каменный мостъ. Отъ толчка она сильно накренилась и, зачерпнувъ воды, стала тонуть.

Мы всѣ очутились въ водѣ, выбиваясь изъ силъ, чтобъ добраться до берега.

Къ счастью, никто не утонулъ.

Эта неудачная поѣздка въ гондолѣ насъ такъ испугала, что все удовольствіе отъ Венеціи и нашъ прежній восторгъ пропали.

Я первый заговорилъ объ отъѣздѣ отсюда.

— Что это за городъ, гдѣ каждую минуту можно, совершенно помимо желанія, выкупаться? — говорилъ я.

— Если жаркая погода, это даже пріятно! — смѣясь, возразилъ мнѣ Треуголка.

— Нѣтъ, ужъ увольте отъ этого! Я предпочитаю купаться въ открытомъ морѣ и безъ фрака!—говорилъ я.

— Ахъ, ты, франтъ! Фрака жалѣешь!

— Да и струсилъ къ тому же!—заговорили эльфы на мой счетъ.

Но на самомъ дѣлѣ, они всѣ тогда струсили не менѣе моего. Какъ бы тамъ ни было, а черезъ часъ мы стали уже укладываться и на другое же утро двинулись на вокзалъ, чтобъ поѣздомъ ѣхать въ Римъ.

V.

Быстро мчалъ насъ поѣздъ по дорогѣ въ Римъ, — столицу Италіи.

На остановкахъ мы часто выходили изъ вагона и прогуливались по платформѣ.

На одной изъ станцій нашъ поѣздъ стоялъ почему-то особенно долго.

Сначала мы весело прогуливались вдоль платформы, а потомъ долгая стоянка насъ стала беспокоить.

— Такъ мы никогда не доѣдемъ до Рима, — жаловался Скокъ.

— А почему мы стоимъ? — спросилъ Дѣдко-Бородачь доктора Мазь-Перемазь.

Но тотъ не зналъ.

— Вотъ идетъ Знайка съ Матросикомъ, — замѣтилъ докторъ, — спросимъ ихъ.

Однако, Знайка съ Матросикомъ тоже не знали.

— Впрочемъ, — отвѣтилъ Знайка, — вѣроятно что-нибудь испортилось въ машинѣ.

— Пойдемъ, — обратился онъ къ Матросику, — узнаемъ.

— И я съ вами пойду, — сказалъ я.

— И я!

— И я тоже!

— Возьмите и меня!

Всѣ лѣсные малютки хотѣли знать, что случилось съ машиной.

Цѣлой компаніей двинулись мы къ паровозу.

Знайка, знавшій рѣшительно все на свѣтѣ, смѣло выступилъ впередъ и началъ производить осмотръ паровоза: всюду заглядывалъ, открывалъ и закрывалъ разные клапаны, вертѣлъ винты.

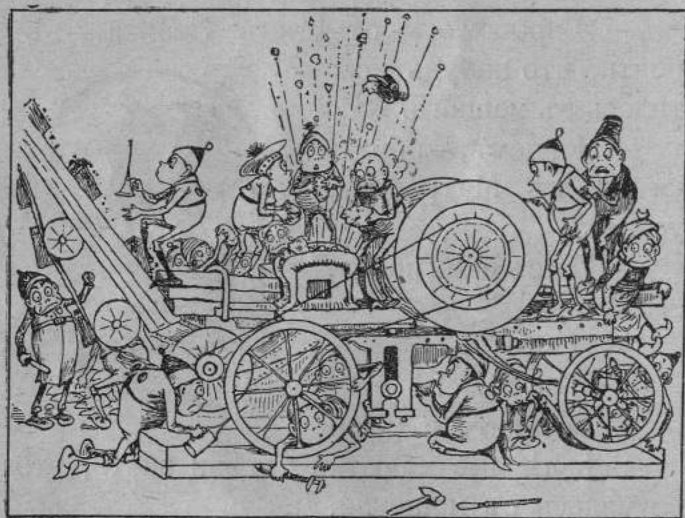
— Ну, вотъ и починилъ имъ машину! —

— Пойдемъ, — обратился онъ къ Матросику, — узнаемъ...

заговорилъ онъ, наконецъ, — теперь только подбросить угля въ печь, и тогда все въ исправности.

И онъ сталъ бросать уголь.

Знайка открывалъ и закрывалъ разные клапаны...

- А это не опасно? — спросилъ я.
- Что?
- Бросать уголь?
- Конечно, нѣтъ! Нисколько.
- Такъ и я тебѣ помогу!

Я осторожно поднялъ кверху рукава своего фрака, чтобъ ихъ не испачкать, и принялся бросать уголь.

Другіе тоже послѣдовали моему примѣру. Скоро печь была полна угля.

Огонь весело трещалъ. Искры далеко летѣли во всѣ стороны.

— Смотри, Знайка, какъ бы не надѣлать намъ бѣды! — предостерегающе замѣтилъ Бородачъ. — Разведемъ пары, раскалимъ печь, еще котель разорветъ...

— Не беспокойтесь, я отлично знаю все... Впрочемъ, довольно угля.

— Послѣдній разъ брошу! — отозвался я, подходя къ самой печкѣ.

Вдругъ оттуда съ трескомъ вылетѣлъ цѣлый снопъ искръ. Мнѣ чуть не опалило все лицо. Съ крикомъ я отскочилъ въ сторону.

— Вотъ видишь! — укоризненно покачалъ головой Дѣдко - Бородачъ. — Отойдемте-ка отсюда! — осторожно продолжалъ онъ, прислушиваясь къ какому-то необыкновенному шуму внутри паровоза.

Мы двинулись вдоль платформы. Но не прошли и шаговъ десяти, какъ я почув-

ствовалъ, что мнѣ сильно жжетъ голову. Въ то же время запахло гарью.

— Ай-ай-ай, горю! — закричалъ я, хватаясь за голову.

— У Мурзилки цилиндръ горитъ! — закричалъ Заячья-Губа, смѣшно разставляя свои коротенькія руки и вытаращивъ глаза.

— Долой цилиндръ, скорѣе! — подскочивъ ко мнѣ, крикнулъ Скокъ и ловко сбросилъ съ меня шляпу.

Бѣдный мой цилиндръ! Отъ него столбомъ валилъ дымъ. Очевидно, онъ загорѣлся отъ искры.

— Братцы, спасайте мою шляпу! Пожаръ! — кричалъ я, метаясь вокругъ злополучнаго цилиндра.

Всѣ растерялись и стояли, не двигаясь съ мѣста. Только я одинъ бѣгалъ вокругъ цилиндра и, что было силы, дулъ на него.

— Мурзилка, вѣдь ты еще хуже только раздуваешь огонь! Перестань дуть! — закричалъ мнѣ Дѣдко-Бородачъ.

— Мой цилиндръ! Мой цилиндръ! — стоналъ я.

Откуда-то въ это время выскочилъ Карапузикъ съ лейкой въ рукахъ. Однимъ

движеніемъ руки опрокинулъ онъ лейку на шляпу и моментально прекратилъ огонь.

Я съ крикомъ отскочилъ въ сторону...

— Молодецъ Карапузикъ! — похвалилъ Бородачъ.

Я поднялъ свою шляпу. Въ какомъ ужасъ

номъ видѣ она была! Вся намокла, сморщилась, дно прогорѣло.

Я чуть не плакалъ.

— Ничего, — утѣшалъ меня Треуголка, — была бы голова на плечахъ, а шляпа...

Онъ не договорилъ. Изъ паровоза раздалось какое-то клокотаніе, шипѣніе, шумъ, и, къ нашему удивленію, онъ быстро покатылъ вдоль рельсъ.

Заячья-Губа
разставилъ
свои руки...

— Поѣздъ ушелъ безъ насъ! Надо бѣжать вдогонку за нимъ! — кричалъ Скокъ.

— Скорѣе! Скорѣе! Догоняйте! — кричали другіе.

Но догнать поѣздъ мы, конечно, не могли.

— Какъ это такъ вышло? — недоумѣвалъ докторъ Мазъ-Перемазъ, а съ нимъ вмѣстѣ Дѣдко-Бородачъ, Треуголка и многіе другіе.

Машинисты, кочегары, вся поѣздная прислуга, начальникъ станціи, словомъ, всѣ тоже недоумѣвали, какимъ образомъ паровозъ, отцѣпленный отъ всего поѣзда, холодный, безъ машиниста, могъ укатить вдругъ совсѣмъ одинъ?

Это зналъ только Знайка, вертѣвшій и

открывавшій всѣ клапаны и винты и разводившій пары.

— Вотъ и жди теперь слѣдующаго поѣзда!—ворчалъ Дѣдко-Бородачъ.

Онъ опрокинулъ лейку на шляпу...

Впрочемъ, ждать намъ пришлось недолго. Скоро былъ поданъ новый поѣздъ, и мы сѣли въ вагонъ.

Дорогой Знайка разсказалъ намъ исторію Рима.

— Этотъ городъ, — говорилъ онъ, — осно-

ванъ давно-давно двумя братьями Ромуломъ и Ремомъ. Когда они только что родились, жестокий царь Апулій приказалъ бросить ихъ обоихъ въ рѣку Тибръ. Крикъ дѣтокъ случайно услышала волчица. Ей стало жаль бѣдныхъ брошенныхъ малютокъ, и она вскормила ихъ. Потомъ ихъ нашелъ одинъ пастухъ и взялъ къ себѣ. Когда братья выросли, то они наказали за жестокость злого царя Апулія и затѣмъ основали новый городъ на берегу Тибра. Этотъ городъ и сталъ называться Римъ. Городъ Римъ быстро разрослся, украсился великолѣпными дворцами, храмами, статуями. Остатки этихъ дворцовъ и храмовъ сохранились и до сихъ поръ. Теперь въ Римѣ мы ихъ увидимъ, — закончилъ свой рассказъ Знайка.

— А Римъ большой городъ? — спросилъ кто-то изъ эльфовъ.

— Да, очень большой, — отвѣтилъ Знайка, — вѣдь это столица Италіи. Въ древнія времена это былъ главный городъ самага могущественнаго государства — Римскаго. Тогда Римъ считался первымъ городомъ во всемъ мірѣ.

Такъ незамѣтно, за разговорами, мы подѣхали и къ Риму.

— Куда же мы пойдемъ прежде всего! — спросилъ Скокъ, когда шумной толпой мы всѣ вышли изъ вагона.

— Прежде всего мы пойдемъ, — сказалъ я, — въ шляпный магазинъ...

— Ха-ха-ха! — расхохотался Скокъ. — Зачѣмъ тебѣ?

— Не могу же я ходить въ прожженномъ насквозь цилиндрѣ!

— Охъ, ужъ этотъ Мурзилка-франтъ! — качалъ головой Дѣдко-Бородачъ. — Поѣздъ ушелъ безъ насъ, — кричалъ Скокъ...

— Ну, что-жъ? Гдѣ-нибудь по дорогѣ зайдемъ, купимъ! — согласился Знайка. — А пока пройдемся просто по улицамъ Рима, чтобъ лучше съ нимъ ознакомиться.

Мы двинулись.

Римъ оказался очень красивымъ городомъ съ массой прекрасныхъ зданій, мраморныхъ памятниковъ, роскошныхъ дворцовъ.

По дорогѣ я зашелъ въ магазинъ, купилъ себѣ шляпу, потомъ зашелъ въ па-

рикмахерскую, чтобъ привести въ порядокъ свою прическу.

Когда я вышелъ оттуда, выбритый, причесанный, надушенный, въ новомъ блестящемъ цилиндрѣ—всѣ ахнули, такъ я эффектно выглядѣлъ.

— Ну, теперь я готовъ идти куда угодно,—сказалъ я.—Кстати, что это за церковь?

Мы проходили по большой площади, на которой гордо высилась какая-то большая церковь, удивительно красивая.

— Это одна изъ достопримѣчательностей Рима,—отвѣтилъ Знайка,—соборъ Св. Петра. Обратите вниманіе, господа, какая чудная его отдѣлка, какъ онъ художественно сдѣланъ.

— А что, господа,—заговорилъ Скокъ,—не взобраться ли намъ на верхъ собора? Навѣрно, оттуда чудесно виденъ весь Римъ.

— Еще бы! Какая высота!—промолвилъ Карапузикъ, закидывая назадъ свою большую голову.

— Давайте, взберемся туда!

— Отлично!

Мы начали взбираться. Сначала добрались до купола.

— Какъ же дальше? Крыша купола такая скользкая, по ней не взберешься! — сказалъ я.

— Пустяки! — отвѣтилъ Матросикъ. — Я взберусь куда угодно!

И онъ съ ловкостью истаго матроса полѣзъ на крышу. Скоро онъ сидѣлъ уже на карнизѣ одного изъ маленькихъ окошечекъ и весело махалъ намъ оттуда своей матросской шапочкой.

— Теперь полѣзайте сюда вы! Вотъ вамъ веревка!

Я эффектно выглядѣлъ ..

Онъ спустилъ веревку, случайно оказавшуюся у него въ карманѣ, и помогъ намъ подняться вверхъ. Съ помощью той же веревки скоро мы всѣ были на верху собора, облѣпивъ его со всѣхъ сторонъ, какъ мухи.

Подъ нами внизу на нѣсколькихъ холмахъ красиво раскинулся Римъ. Онъ весь былъ тутъ на виду.

— А что это за стѣны, вотъ тамъ на склонѣ холма? — спросилъ Дѣдко-Бородачъ, указывая на развалины какихъ-то огромныхъ стѣнъ, расположенныхъ амфитеатромъ.

— Это Колизей — древній циркъ. Тутъ когда-то устраивались игры, состязанія, звѣриныя травли. Нерѣдко тутъ выпускали людей бороться съ дикими звѣрями — львами, тиграми...

— Ахъ, какъ это интересно! Пойдемте туда скорѣе! — предложилъ Скокъ.

— Пойдемъ, пойдемъ! — заговорили другіе.

Быстро спустившись съ крыши собора, мы направились разсматривать развалины Колизея.

Время сильно разрушило циркъ. Всѣ стѣны его были въ трещинахъ, полуразрушенныя; огромныя мраморныя ступени, ведущія къ аренѣ, развалились, стерлись, изъ щелей проглядывалъ зеленый мохъ и стебли травы. И все-таки, несмотря на это, Колизей былъ удивительно красивъ и величественъ.

Мы разбрелись во всѣ стороны.

Я какъ-то побаивался идти въ Колизей, мнѣ было жутко при мысли, что тутъ происходила борьба между людьми и львами.

— Ты, кажется, трусишь? — спросилъ меня Индѣецъ.

— Нѣтъ, не боюсь, а все-таки, вдругъ тутъ спрятался гдѣ-нибудь левъ или тигръ...

— Ха-ха-ха! Вотъ чудакъ, вѣдь все было тысячу лѣтъ тому назадъ...

— Ахъ, такъ давно! Что же онъ не сказалъ?

Я смѣло двинулся впередъ, но... тотчасъ попятился: въ одной изъ трещинъ что-то зашуршало, завозилось, застонало.

— Ай-ай-ай! Тигръ душитъ кого-то! — закричалъ я, бросаясь прочь.

Многіе изъ эльфовъ бросились за мной.

— Ай-ай! звѣри! — кричалъ я.

Мы были на верху собора...

Въ это время въ трещинѣ шумъ и возня усилились еще больше.

Закрывъ глаза и зажавъ уши, я безъ оглядки пустился бѣжать къ выходу и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока не натолкнулся

Мы разбрелись во все стороны...

на что-то. Въ страхѣ открывъ глаза, я увидѣлъ передъ собой китайца Чи-ка-чи.

— Что съ тобой?—спросилъ Чи-ка-чи, широко раскрывая свои узкіе глазки.

— Тигръ!... левъ!... спасайся!—только и могъ вымолвить я.

Въ это время къ намъ подошли другіе

товарищи. Они рассказали удивленному китайцу, какъ было дѣло.

Оказалось, что то, что я принялъ за дикаго звѣря, былъ всего лишь голубь, свившій себѣ гнѣздо въ трещинѣ.

Товарищи много смѣялись, называя меня трусомъ, но я считаю, что лучше пять разъ ошибиться, чѣмъ одинъ разъ попасть въ когти льва или тигра. Осторожность никогда не мѣшаетъ!

На другой день, осмотрѣвъ достаточно Римъ, мы рѣшили двинуться дальше.

— Куда же теперь? — совѣтовались мы другъ съ другомъ.

— Мнѣ кажется, — замѣтилъ Индѣецъ, — съ Италіей мы ознакомились хорошо, поѣдемъ теперь въ Испанію.

— Я предложилъ бы вамъ, — сказалъ Знайка, — заѣхать еще въ Помпею.

— А что это такое? — спросилъ Скокъ.

— Это городъ, много лѣтъ тому назадъ засыпанный пепломъ и уничтоженный лавой при изверженіи вулкана Везувія. Тогда при изверженіи сразу два города — Помпея и

— Что съ тобой! — спросилъ Чи-ка-чи...

Геркуланумъ — были совершенно уничтожены; при этомъ погибло много тысячъ людей, и всѣ зданія скрылись подъ пепломъ и лавой...

Мы очутились въ Помпѣяхъ...

— Ты сейчасъ сказалъ «подъ лавой». Что это такое лава? — спросилъ внимательно прислушивавшійся Карапузикъ.

— Лава это смѣсь изъ расплавленныхъ камней, которую выбрасываетъ вулканъ

изъ своего жерла во время изверженія, — объяснилъ Знайка.

— Такъ, значить, теперь уже не существуетъ ни Помпеи, ни Геркуланума? — опять спросилъ Карапузикъ.

— Теперь тамъ производятся раскопки и постепенно изъ-подъ пепла встаютъ цѣлыя улицы.

— Ахъ, скорѣе туда! Это, должно быть, замѣчательно интересно.

Мы быстро добрались до вокзала, сѣли въ поѣздъ и скоро очутились уже въ Помпеѣ.

Тутъ было все такъ, какъ рассказывалъ Знайка. Мѣстами цѣлые дома сохранились въ такомъ видѣ, какъ ихъ засыпало при изверженіи, мѣстами зданія были полуразрушены.

Проблуждавъ по этому мертвому городу около полудня, мы рѣшили двинуться дальше—въ Испанію.

IV.

Прошло уже болѣе двухъ недѣль, какъ мы были въ Испаніи. Мы изъѣздили ее вдоль и поперекъ, побывали въ ея столицѣ — Мадридѣ, взбирались на Пиринейскія горы, катались по нѣкоторымъ испанскимъ рѣкамъ и, наконецъ, очутились какъ-то на берегу моря.

Погода была великолѣпная, день ясный, море спокойное.

Мы прогуливались по берегу, любовались видомъ на море и тихо бесѣдовали между собой.

Турокъ, — въ Турціи есть обычай не входить въ мечеть въ обуви.

Въ самомъ дѣлѣ, мы увидали, что всѣ входившіе снимали свои сапоги и брали у сторожей особыя туфли безъ пятъ, въ которыхъ и входили внутрь мечети.

— Нужно уважать чужіе обычаи! — ска-

Мы зашагали по улицамъ...

залъ Дѣдко-Бородачъ. — Послѣдуемте ихъ примѣру!

Мы подошли къ мѣсту, гдѣ были сложены туфли, и стали выбирать самыя маленькія. Однако, увы! Сколько мы ни старались, всѣ туфли были такъ велики, что въ нихъ нельзя было ступить ни шагу: ежеминутно онѣ падали съ ногъ. Кое-какъ мы все-таки надѣли ихъ и зашлепали дальше. Какъ трудно было идти! Ноги скользили, туфли падали...

Сначала я смотрѣлъ только на свои туфли и потому совсѣмъ почти не видѣлъ ничего кругомъ. Наконецъ, это мнѣ надоѣло. Я храбро двинулся впередъ.

Что за чудное зданіе! Несмотря на то, что живопись была вся замазана, мечеть Св. Софіи выглядѣла все-таки очень красиво. Я внимательно глядѣлъ кругомъ, стараясь не пропустить ни одной мелочи. Я подходилъ къ стѣнамъ, дотрагивался до колоннъ, поднималъ голову вверхъ.

Вдругъ, слышу:

— Мурзилка... ха-ха-ха!

— Мурзилка, туфли... ха-ха-ха!

Кругомъ меня всѣ сдержанно смѣялись.

— Тсс... тише, господа!—останавливалъ Турокъ строго.

— Туфли... ха-ха-ха! Мурзилка! — не унимались лѣсные малютки.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на свои ноги и... остановился на мѣстѣ: я былъ въ однихъ чулкахъ, мои туфли остались гдѣ-то далеко позади меня. Кругомъ всѣ хохотали. Смущенно отыскалъ я свои туфли и зашлепалъ къ выходу. Мнѣ казалось, что не только мои товарищи, но и всѣ турки,

бывшіе въ мечети, замѣтили, что случилось съ моими туфлями, и сдержанно улыбались.

— Теперь идемте въ другую мечеть! — предложилъ Знайка, когда мы покинули св. Софію.

— Ну, нѣтъ, — сказалъ я, — я больше не согласенъ терять туфли...

— Идемте, идемте, — заговорилъ Турокъ. — Ты, Мурзилка, не безпокойся, — обратился онъ ко мнѣ, — если не хочешь надѣвать туфель, то можешь только хорошенько выбить свои ноги о метлу; это тоже въ мечетяхъ иногда дѣлается.

— Ну, это другое дѣло! — согласился я.

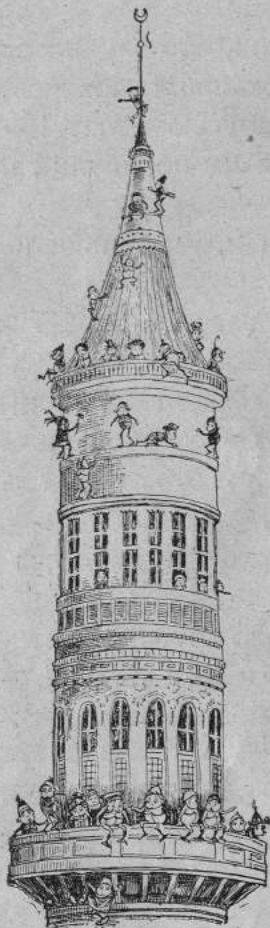
Скоро мы очутились около другой мечети.

— Ого! Какая тутъ высокая башня! — замѣтилъ Тузилка, закидывая вверхъ голову.

— Не забраться ли намъ на нее? — предложилъ Скокъ. — Оттуда, навѣрно, все отлично видно.

— Что же! Полѣземъ!

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже на башнѣ, облѣпивъ ее со всѣхъ сторонъ, какъ мухи.

Мы были на башнѣ,
облѣпивъ ее со всѣхъ
сторонъ, какъ мухи...

Матросикъ хотѣлъ за-
браться какъ можно вы-
ше, и успокоился только
тогда, когда добрался до
золотого полумѣсяца на
самой верхушкѣ и торже-
ственно усѣлся на немъ.

— Господа, идемте
теперь на набереж-
ную!—предложилъ Знай-
ка. — Мнѣ хочется про-
вести васъ хоть въ
одинъ изъ дворцовъ...

— Вотъ тутъ, брат-
цы, — заговорилъ онъ,
когда мы очутились пе-
редъ высокой каменной
стѣной, — тутъ жилъ
когда-то турецкій госу-
дарь или султанъ. Мо-
жетъ быть теперешній
султанъ живетъ тоже
здѣсь, а потому мы долж-
ны быть осторожны...
Прежде всего перелѣ-
земъ черезъ эту стѣну.

Съ большимъ трудомъ одинъ за другимъ, подавая другъ другу руки, мы взо-
брались на стѣну.

— Теперь сюда!

Мы миновали густой, довольно запущен-
ный садъ и очутились передъ дворцомъ.
Это было очень красивое
зданіе со множествомъ
башенокъ, какихъ то
маленькихъ окошекъ,
странныхъ переходовъ.

— Сначала, — предло-
жилъ Турокъ, — мы по-
пробуемъ забраться на
самый верхъ, чтобы по-
любоваться открываю-
щимся оттуда видомъ...

— Хорошо! Отлично! Мы взобрались на стѣну...
Заберемся! — согласи-
лись мы и начали взбираться.

Видъ, открывшійся сверху, вознаградила
насъ за всѣ наши усилія.

Передъ нами разстиралось голубое море,
усыянное множествомъ разныхъ судовъ.
Позади виднѣлся пестрый городъ, утопав-
шій въ зелени садовъ.

Мы долго сидѣли на крышѣ.

— Господа! Господа! Скорѣе сюда! —
закричалъ вдругъ Матросикъ.

Онъ, Пуговица и Скокъ стояли
около маленькаго круглаго око-
шечка, выходившаго на крышу.

Мы долго сидѣли на крышѣ...

Мы поспѣшили на зовъ.

— Смотрите! Какая тамъ роскошь!

Въ самомъ дѣлѣ, комната была необы-
кновенно роскошно убрана. Всюду пестрая
съ золотомъ ткани, восточные ковры, то-

ченые низенькіе столики, круглыя, мягкія подушки.

— Не забратся ли намъ внутрь?—предложилъ я.

— Что же! Полѣземъ!

Мы разсыпались по комнатѣ и стали все разсматривать.

— Обратите, господа, вниманіе на этотъ приборъ, — заговорилъ Турокъ, указывая на какой-то странный предметъ, не то графинъ, не то

кувшинъ. — Это кальянъ — приборъ для куренія табаку. Турки очень любятъ курить при посредствѣ кальяна, въ которомъ дымъ предварительно проходитъ черезъ воду.

— Это интересно! Не попробовать ли намъ покурить!—предложилъ Пуговица.

— Что ты выдумалъ? Курить очень вредно!—сказалъ Дѣдко-Бородачъ.

— Лучше уйдемъ отсюда!—поддержалъ его Мазь-Перемазъ.

Матросикъ, Пуговица и Скокъ стояли около маленькаго круглаго окошечка...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Надо покурить! — заговорилъ китаецъ Чи-Ка-Чи. — Кто хочетъ со мной?

— Я! — сказалъ Турокъ.

— Я! — подхватилъ Пуговица.

— И меня возьмите! — заявилъ я.

Турокъ привелъ въ порядокъ приборъ, закурилъ табакъ и, разсидивъ насъ на мягкихъ подушкахъ, которыя турками употребляются вмѣсто стульевъ, роздалъ намъ трубки.

— Обрати-
те, господа,
вниманіе, —
заговорилъ
Турокъ...

— Вотъ покуримъ! — сказалъ я и съ наслажденіемъ втянулъ въ себя дымъ.

Брр... Кха-кха-кха! Что это за ужасъ! Я чуть не задохся.

Носъ, ротъ, горло, — все захватило отъ дыму. Мнѣ сразу сдѣлалось худо. Я вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ къ окну.

Другіе кутившіе выдержали немного дольше меня; имъ тоже отъ табаку сдѣлалось такъ худо, что они едва выбрались изъ комнаты.

— Ну, что, покурили? — смѣялись надъ нами остальные эльфы.

Тѣмъ же путемъ, какъ и прежде, мы спустились въ садъ, подошли къ стѣнѣ и уже хотѣли перебраться черезъ нее, какъ къ намъ подбѣжалъ Скокъ, шедшій впереди всѣхъ, и испуганно проговорилъ:

— Мы погибли! Весь дворецъ въ тре-

Я вскочилъ съ мѣста...

вогѣ. Кругомъ вооруженные сторожа! Вѣроятно, они замѣтили насъ!

— Скорѣе, спасайтесь!

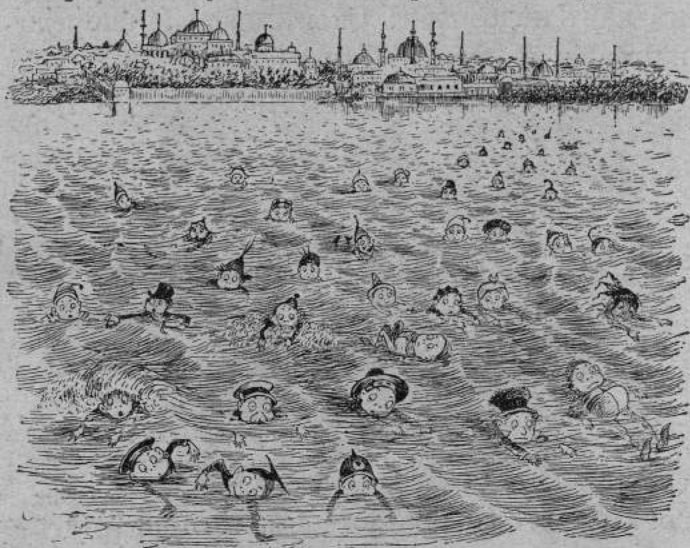
Со стѣнъ дворца гремѣли, между тѣмъ, выстрѣлы.

Мы бросились бѣжать, но куда?

Кругомъ передъ нами была высокая стѣна, а за ней море.

Не долго думая, мы перебрались черезъ стѣну и бросились въ море.

Какъ мы всѣ не утонули, просто удивительно. На наше счастье скоро насъ подобралъ американскій корабль, нагружен-

Мы бросились въ море...

ный товарами, который, какъ мы узнали, привезъ въ Турцію хлопокъ и теперь возвращался обратно въ Америку.

На кораблѣ, кромѣ капитана и матросовъ, не было больше никого, и мы отлично размѣстились въ большой каютѣ.

Матросы насъ не замѣчали...

VIII.

СТАВАЙТЕ, братцы, вставайте! Мы у береговъ Америки!—кричалъ рано утромъ Знайка.

Это было четыре недѣли послѣ того, какъ мы благополучно убѣжали отъ грозившей намъ въ Константинополь ужасной опасности.

На американскомъ кораблѣ намъ жилось хорошо, привольно. Никто намъ не мѣшалъ, никто насъ не преслѣдовалъ. Матросы либо спали, либо были заняты своимъ дѣломъ и

не обращали на насъ никакого вниманія. Они даже, кажется, насъ не замѣчали. Только разъ какъ-то одинъ старый матросъ сказалъ, указывая на насъ:

— Откуда это на нашемъ кораблѣ набралось столько черныхъ мошекъ?

Мы развлекались, забираясь въ лодку, стоявшую на площадкѣ, въ трубы...

Очевидно, они приняли насъ за простыхъ мошекъ.

Не замѣчали они и того, что мы спокойно кормились на кораблѣ тою пищею, которая готовилась для матросовъ.

Во время плаванія нашего парохода, мы старались не скучать и развлекались, то забираясь въ лодку, стоявшую на площадкѣ, то въ разныя трубы, то влѣзая на

мачты. Однажды при этомъ чуть не случилось несчастія: Тузикъ вдругъ перегнулся черезъ перила и упалъ въ воду. Къ счастью, это тотчасъ же замѣтилъ карабкавшійся на мачту Знайка и закричалъ:

— Спасите! Спасите! Тузикъ упалъ въ воду!

И Тузика благополучно вытащили изъ воды, гдѣ онъ навѣрное попалъ бы на обѣдъ акуламъ...

Другой разъ мы, желая помочь кочегарамъ, чуть было всѣ не сгорѣли. Захотѣлось

Тузикъ упалъ въ воду...

намъ бросить уголь въ большую печь на кораблѣ, но едва мы открыли дверцы, какъ оттуда обдало насъ краснымъ, горячимъ огнемъ. Карапузикъ при этомъ упалъ въ обморокъ и если бы Вѣдунъ не схватилъ его во время, быть бы страшной бѣдѣ.

— Ну, братцы, скорѣе, вставайте!—го-

ворилъ Знайка. — Посмотрите, отсюда виденъ памятникъ Колумбу.

— Колумбу? А кто такой Колумбъ? спросилъ Тузикъ.

— Это испанскій путешественникъ, открывшій ту часть свѣта, которая называется

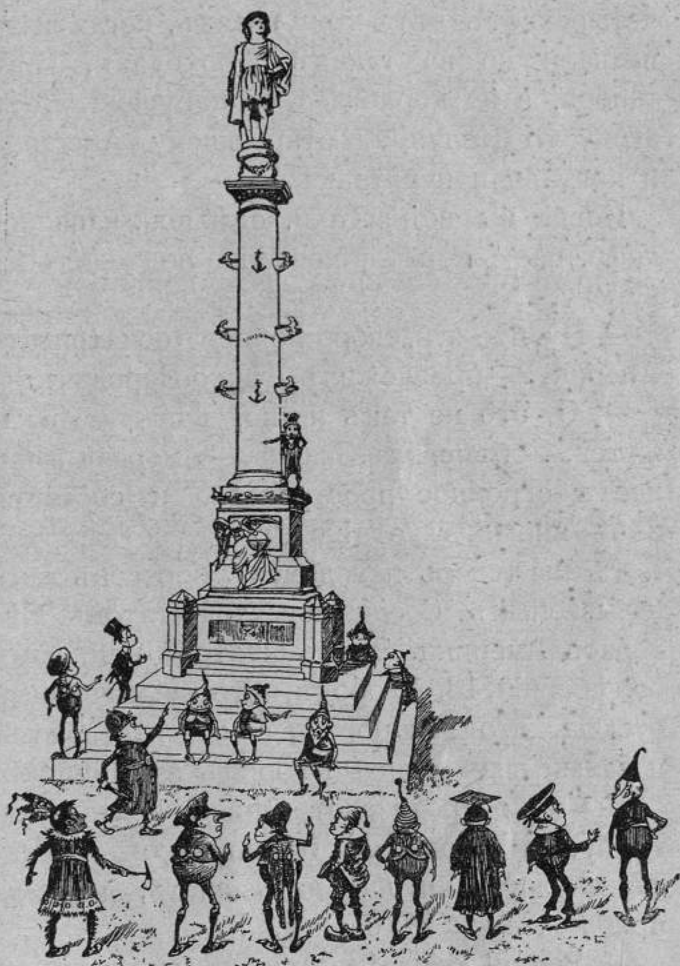

Насъ обдало огнемъ...

Америкой. До него никто въ Европѣ не зналъ о томъ, что далеко за океаномъ существуетъ огромная богатая земля. Онъ первый съ храбрыми матросами отправился туда.

— А это давно было? — спросилъ я.

— О, давно, — отвѣтилъ Знайка, — болѣе

Памятникъ Колумбу...

четырехсотъ лѣтъ тому назадъ, когда люди плавали не на такихъ пароходахъ, какъ теперь, а на корабляхъ съ парусами. Вотъ этому то Колумбу, открывшему Америку, и поставили памятникъ.

Когда мы всѣ встали, одѣлись, напились кофе, нашъ корабль медленно подходилъ къ берегу.

— Ну, что-жъ, скоро пойдемъ осматривать Америку?—предложилъ Дѣдко-Бородачъ.

— О, это не такъ легко, какъ тебѣ кажется, — объяснилъ Знайка. — Америка занимаетъ огромное пространство и состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ государствъ. Вотъ мы теперь находимся у береговъ такъ называемыхъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Этихъ штатовъ или, какъ бы губерній, 13. А городъ, который мы видимъ отсюда, это Нью-Йоркъ, самый населенный и самый значительный городъ въ Америкѣ.

Мы по очереди смотрѣли въ зрительную трубу, а Скокъ съ Карапузикомъ вывѣсили флагъ, чтобы дать знать, что мы приближаемся къ берегу.

— Земля! Земля! — кричалъ сидѣвшій на трубѣ Кнопка.

— Земля! — вторили остальные.

Въ то время, какъ всѣ были заняты разсматриваніемъ виднѣвшихся вдали зданій, Скокъ что-то сколачивалъ и мастерилъ въ углу каюты. Оказалось, онъ нашелъ тамъ маленькій велосипедъ, какъ разъ по его росту, и старался приспособить его для себя. Какъ только корабль присталъ недалеко отъ берега, мы, вмѣстѣ съ матросами, спустились на лодкахъ и вскорѣ очутились на твердой землѣ. Скокъ благополучно притащилъ свой велосипедъ и, не

Скокъ нашелъ велосипедъ...

успѣли мы опомниться, какъ онъ уже успѣлся и помчался впередъ.

— Стой! Стой! Куда ты? — кричали Индѣецъ, Дѣдко-Бородачъ, Вертушка и другіе и погнались за велосипедомъ.

— Вы не беспокойтесь, — отвѣтилъ Скокъ, — я осмотрю дорогу и рѣшу, гдѣ бы намъ лучше всего остановиться.

И онъ помчался впередъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ Скокъ уже важно возвращался обратно.

— Тутъ поблизости прекрасная купальня, — докладывалъ онъ. — Послѣ нашего

долгаго путешествія пріятно будетъ всѣмъ выкупаться. Не правда-ли?

— Конечно! Конечно!—отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ.

— Такъ вотъ, идите за мною,—продолжалъ Скокъ.—Я покажу вамъ дорогу.

— Но намъ не поспѣтъ за твоимъ велосипедомъ!—замѣтилъ Тузилка.

— Стой! Стой! Куда ты?—кричалъ Индѣецъ..

— Я поѣду медленно,—отвѣтилъ Скокъ.

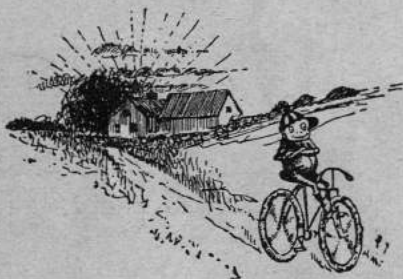
Вскорѣ всѣ мы очутились у стоявшаго на берегу высокаго деревяннаго зданія съ башнею. Это, оказалось, были морскія купальни, но—увы!—для дамъ. Такъ какъ, однако, было еще очень рано, а дамы приходятъ купаться поздно, то мы и рѣшили выкупаться до ихъ прихода.

Въ купальнѣ оказались въ большомъ количествѣ костюмы для купанія, сушившіеся

на солнцѣ. Не долго раздумывая, наши лѣсные человѣчки стали переодѣваться въ эти костюмы и одинъ за другимъ погружались въ воду.

— А ты, Мурзилка, не будешь купаться?—спросилъ меня Дѣдко-Бородачъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—у меня нѣтъ охоты; лучше посмотрю, какъ другіе будутъ купаться.

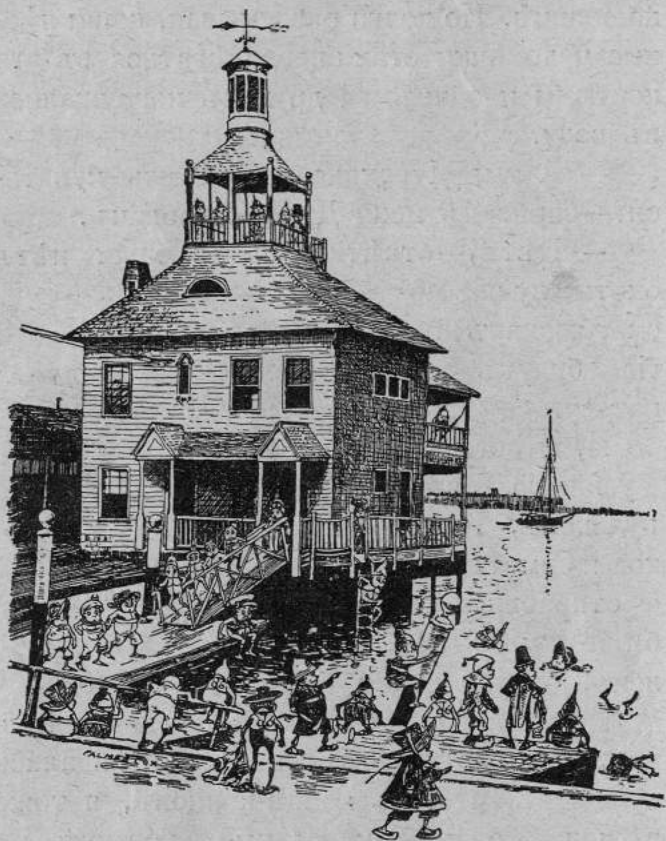

Скожъ важно возвращался
обратно...

И, вмѣстѣ съ Тузилкою, Карпузикомъ, Кнопкою и Самоѣдомъ, я отправился на башенку купаленъ, откуда видно было море кругомъ.

Но купавшіеся съ такимъ наслажденіемъ плескались въ водѣ и такъ восхищались купаніемъ, что, въ концѣ-концовъ, я тоже рѣшилъ одѣть купальный костюмъ и спуститься въ воду. Но я все-таки предусмотрительно одѣлъ спасательный поясъ, хотя я и ничуть не боялся утонуть.

Не успѣлъ я окунуться, какъ на-

Лѣсные человѣчки одинъ за другимъ погружались въ воду...

летѣла огромная волна, которая чуть не погубила всѣхъ нашихъ лѣсныхъ человѣчковъ. Раздались крики, стоны. Тутъ только

всѣ убѣдились, какъ умно я сдѣлалъ, что запасаю спасательнымъ поясомъ, ибо я одинъ изъ первыхъ успѣлъ выбраться на берегъ,

Вдругъ налетѣла огромная волна...

а безъ этого пояса я бы навѣрно утонулъ...

Когда опасность миновала, и всѣ благополучно выбрались на берегъ, рѣшено было отдохнуть на пескѣ. И вотъ, повѣсивъ

опять на мѣсто костюмы, мы всѣ стали бѣгать по песчаному берегу, а нѣкоторые

Нѣкоторые приняли песочныя ванны...

приняли даже песочныя ванны, погрузившись по шею въ песокъ.

— Ну-съ, довольно братцы, пора приниматься за дѣло!—раздался голосъ Знайки.

И всѣ тотчасъ же бросили забаву.

IX.

ВОЗВРАЩАЯСЬ изъ купальни, мы замѣтили большую вывѣску: «Зоологическій садъ». Конечно, мы не упустили случая, чтобы побывать въ этомъ саду.

Было еще очень рано, сторожа всѣ спали крѣпкимъ сномъ, и мы незамѣтно проникли въ садъ.

Первое, что намъ бросилось въ глаза, были высоченные жираффы.

Подойдя къ клѣткѣ съ жираффами, мы увидали, что у забора, за которымъ они находились лежить сѣдло.

— Вотъ бы прокатиться на жираффѣ!—
предложилъ Вертушка.

— Что-жъ, это можно!—рѣшилъ Скокъ.—

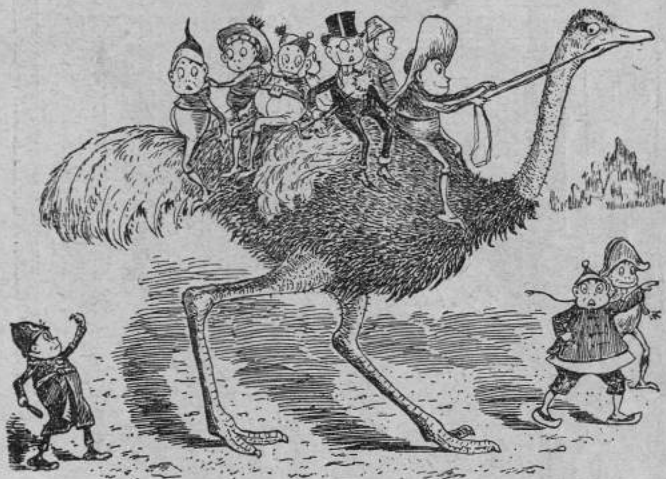

Знайка и Вертунъ старались укрѣпить сѣдло...

Давайте, выведемъ на площадку этого большого жираффа. Онъ кажется очень смирный.

Едва мы открыли дверцы забора, за которымъ помѣщались жираффы, какъ самый большой изъ нихъ тотчасъ же прошелъ въ садъ и, очевидно, уже привыкшій, что на

немъ ѣздить по саду, опустился на колѣни и приникъ головой къ землѣ. Скокъ ловко набросилъ ему на шею веревку, Микъ придержалъ за голову, а въ это время Знайка и Вертунъ старались укрѣпить сѣдло.

Микъ заставилъ страуса пробѣжать по аллеямъ сада...

— Нужно бы лѣстницу подать!—распоряжался между тѣмъ Мельникъ. — Иначе намъ не забраться въ сѣдло.

Вдругъ, неожиданно, жираффъ, которому очевидно надоѣло такъ долго стоять на колѣняхъ, поднялся на ноги и, не обращая

на насъ никакого вниманія, направился обратно за заборъ.

Такъ намъ и не пришлось прокатитѣся на жираффѣ:

Мы подошли къ домику обезьянь...

Зато мы, по крайней мѣрѣ я и шесть самыхъ храбрыхъ изъ насъ, отлично прокатились на страусѣ. Кучеромъ былъ Микъ, и онъ ловко заставилъ страуса пробѣжать съ нами по всѣмъ аллеямъ сада.

Послѣ этой прогулки мы рѣшили провѣ-
дать обезьянъ, которыя помѣщались въ
особомъ домикѣ, за рѣшеткою. Когда мы
подошли къ домику обезьянъ, тѣ еще

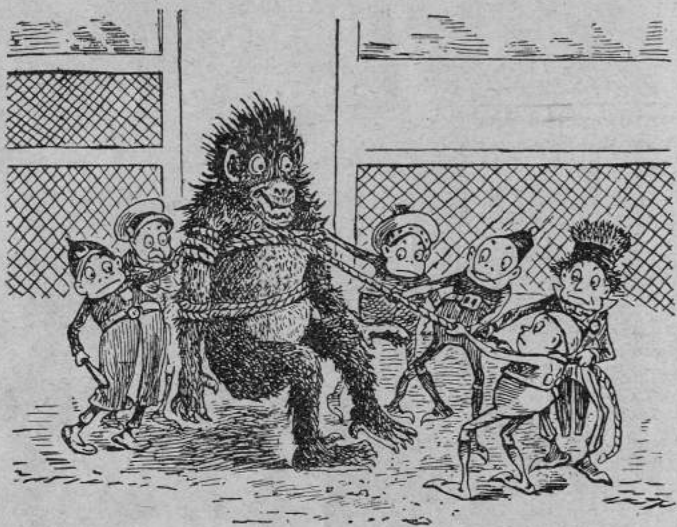

Обезьяны полѣзли на деревья, на крыши бесѣдокъ, на
заборы...

спали и, очевидно, крѣпко спали, потому
что намъ пришлось долго кричать, пока
онѣ проснулись.

Съ обезьянами у насъ вышла маленькая
непріятность, которая чуть не окончилась

очень плачевно. Карапузикъ, подойдя къ дому обезьянъ съ другого конца, увидаль маленькую дверцу и, не зная, куда она ведетъ, открылъ ее. Обезьяны тотчасъ же

Много возни было съ большою, свирѣпою обезьяною...

замѣтили это и выскочили одна за другой въ садъ. Когда перепуганный Карапузикъ пришелъ въ себя, обезьяны уже были въ саду, полѣзли на деревья, на крыши бесѣдокъ, на заборы. Тутъ началась погоня за бѣглецами. Всѣ мы погнались за ними, но

обезьяны ловко бѣжали отъ насъ. Одна изъ нихъ обратила вниманіе на мою шляпу и непременно хотѣла сорвать ее съ головы. Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бы Микъ во-время не успѣлъ наки-

Обезьяны, привязанныя къ одной веревкѣ, были обратно введены въ домъ...

нуть ей на шею веревку и не потащилъ обратно въ обезьянникъ. Обезьяна страшно закричала, пробовала разорвать веревку, но Скокъ съ Карапузикомъ, Тузилкою и Вертушкою такъ ловко схватили ее, что она ничего не могла подѣлать. Но особенно много возни было съ большою, свирѣпою обезья-

ною, которую съ трудомъ удалось связать и водворить на мѣсто. Въ концѣ-концовъ всѣ обезьяны, привязанныя къ одной веревкѣ, были нами обратно введены въ ихъ домъ, гдѣ онѣ подняли страшный вой и крикъ.

Въ это время мы оставили садъ и гурьбой отправились въ большую гостиницу въ главной улицѣ Нью-Йорка, гдѣ и переночевали всѣ въ одной изъ пустыхъ комнатъ.

Х.

ДЕВЯТУЮ недѣлю мы уже въ Америкѣ, а не видѣли еще знаменитой Ниагары, — сказалъ какъ-то разъ утромъ Знайка.

— Ниагара?! А что такое Ниагара? — хоромъ спросили всѣ лѣсные человѣчки.

— Ниагара — это знаменитый водопадъ. Вода въ немъ падаетъ въ пропасть съ такимъ страшнымъ шумомъ, что этотъ шумъ слышенъ за нѣсколько верстъ...

— Поѣдемъ смотрѣть Ниагару, поѣдемъ! — раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ я объ этомъ и думалъ, — ска-

залъ Знайка. — Я узналъ, что туда отправляется завтра цѣлый поѣздъ съ путешественниками.

— Мы тоже путешественники, значитъ и намъ можно, — замѣтилъ я.

— Да, но надо позаботиться, чтобы намъ дали вагонъ въ этомъ поѣздѣ, — сказалъ Скокъ.

— Ничего, мы какъ-нибудь устроимся. Надо только найти дорогу къ вокзалу.

— У Знайки есть планъ, на которомъ отмѣчены всѣ улицы и всѣ вокзалы. Онъ живо найдетъ, — рѣшилъ докторъ Мазь-Перемазь.

Дѣйствительно, на слѣдующее же утро Знайка смѣло повелъ насъ разными улицами прямо на вокзалъ, откуда шелъ поѣздъ съ путешественниками, ѣхавшими смотрѣть водопадъ Ніагару.

Путешественниковъ было много, но одинъ вагонъ все же оказался пустымъ. Мы туда и устремились.

Ѣхали мы долго, хотя поѣзда въ Америкѣ идутъ ужасно быстро.

Вдругъ слышимъ ужасный шумъ, точно кто-то бросалъ огромные камни въ пропасть.

— Это Ніагара шумить!—закричалъ Чу-милка.—Вотъ мы скоро и у цѣли.

Дѣйствительно, вскорѣ поѣздъ остано-вился. Путешественники вышли изъ ваго-новъ и отправились къ водопаду пѣшкомъ. Мы за ними.

Разговаривать по дорогѣ мы не могли, по-тому что изъ-за шума ничего не было слышно.

Но вотъ и водопадъ.

Вода тамъ бѣжитъ съ ужаснымъ шумомъ, сверху внизъ. Даже страшно смо-трѣть.

Китаецъ Чи-ка-чи подо-шелъ къ самому берегу и хотѣлъ поближе посмо-трѣть, какъ падаетъ вода.

— Что ты дѣлаешь, Чи-ка-чи!—воскликнулъ докторъ Мазь-Пере-мазь. — Упадешь въ водопадъ, такъ и про-палъ!—и оттащилъ Чи-ка-чи за косу.

Мнѣ тоже захотѣлось посмотреѣть по-ближе водопадъ. Я сталъ на самомъ краю скалы. Но тутъ у меня чуть было не за-кружилась голова, и я едва-едва удер-жался: водопадъ такъ и тянулъ меня къ себѣ.

Мазь-Перемазь отта- щилъ Чи-ка-чи за косу...

Но все это ничего въ сравненіи съ тою опасностью, которую мы пережили, взобравшись на самую верхушку скалы, откуда начинается падать вода.

На скалѣ, у самого края, стояло большое дерево. Чтобы лучше наблюдать, какъ бѣжитъ водопадъ, десять самыхъ храбрыхъ изъ насъ—въ томъ числѣ и я—взобрались на дерево.

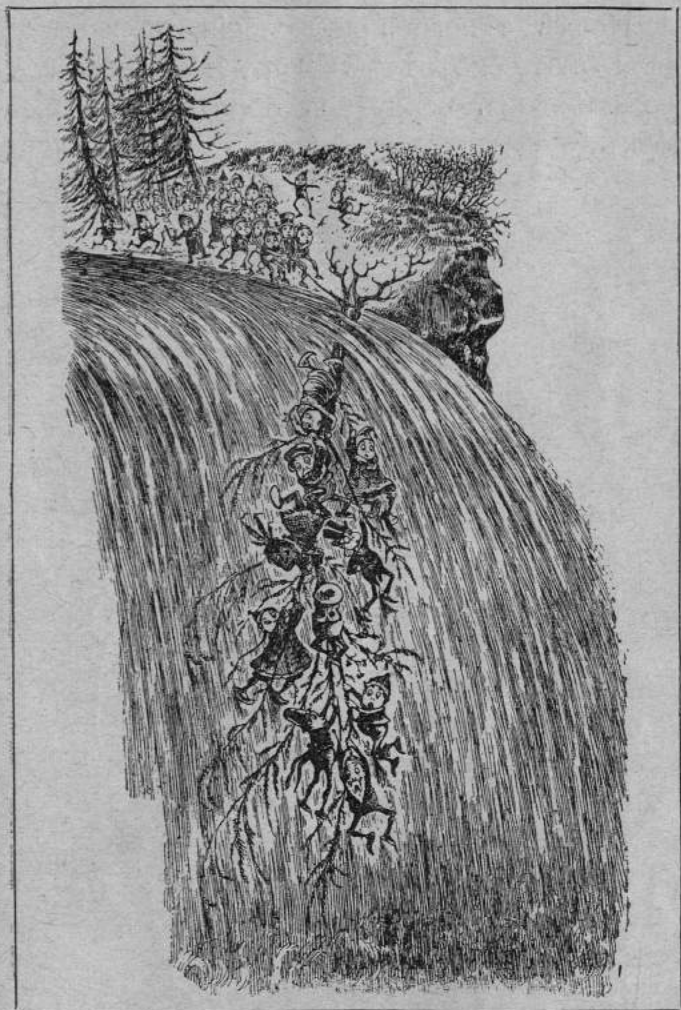
Я стоялъ на самомъ краю скалы...

— Какая прелесть!—вскричалъ Дѣдко - Бородачъ, восторгаясь чуднымъ видомъ.

— Да, дивно... — хотѣлъ было подтвердить докторъ Мазь-Перемазь, какъ дерево внезапно покачнулось и, не выдержавъ тяжести, покатилося къ водопаду.

Еще минута—и всѣ нашихъ десять храбрецовъ погибли бы въ пропасти, унесенные водопадомъ.

Къ счастью, Скокъ и другіе, оставшіеся на землѣ, не растерялись, закинули на дерево веревку и удержали его отъ паденія. Только благодаря этому мы и остались живы и невредимы.

Дерево покатилося къ водопаду...

Послѣ такого приключенія, всѣ потеряли охоту смотрѣть Ніагару и съ первымъ же поѣздомъ вернулись обратно въ Нью-Йоркъ.

XI.

ЕГОДНЯ мы поѣдемъ
смотреѣть Бѣлый
домъ, — сказалъ

однажды утромъ Знайка.

— Бѣлый домъ! Что же это за Бѣлый домъ? Развѣ онъ чѣмъ-нибудь замѣчательнъ? Мало ли мы видѣли бѣлыхъ домовъ? — раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, братцы, вы ошибаетесь. Тотъ Бѣлый домъ совершенно особенный. Бѣлымъ домомъ называется домъ или дворецъ, гдѣ живетъ президентъ государства, въ которомъ мы находимся, т.-е. Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Здѣсь нѣтъ ни императора, ни короля, а

мѣсто царя занимаетъ президентъ, котораго выбираетъ самъ народъ на нѣсколько лѣтъ. Выслужить такой президентъ свой срокъ и опять становится обыкновеннымъ гражданиномъ, а на его мѣсто выбираютъ другого.

— Это какъ во Франціи, — замѣтилъ Карапузикъ.

— Совершенно вѣрно, — подтвердилъ Знайка. — Такъ вотъ мы поѣдемъ смотрѣть домъ, гдѣ онъ живетъ. Почти каждый американецъ старается хоть разъ въ жизни побывать въ Бѣломъ домѣ, повидать президента и пожать ему руку.

— Ха! ха! ха! — разсмѣялся Микки, — если бы всѣ американцы вздумали пожимать руки президента, онъ бы сдѣлался калѣкою, у него отвалились бы руки...

— Это вѣрно, но все-таки многимъ удастся побывать у президента. Бываютъ дни, когда нѣсколько тысячъ человѣкъ посѣщаютъ Бѣлый домъ.

— А гдѣ же находится этотъ Бѣлый домъ? — спросилъ Скокъ.

— Онъ находится въ Вашингтонѣ, главномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ, —

объяснилъ Знайка.—Мы туда поѣдемъ по желѣзной дорогѣ.

Вечеромъ того же дня мы уже сидѣли въ поѣздѣ, который мчалъ насъ къ Вашингтону.

Въ вагонѣ Знайка продолжалъ намъ рассказывать, что городъ Вашингтонъ названъ по фамилии знаменитаго американскаго героя и перваго президента, Джорджа Вашингтона, благодаря которому Соединенные Штаты, которые принадлежали англичанамъ, стали самостоятельнымъ государствомъ. Онъ, Вашингтонъ, былъ главнокомандующимъ американскихъ войскъ, одержавшихъ побѣду надъ англичанами.

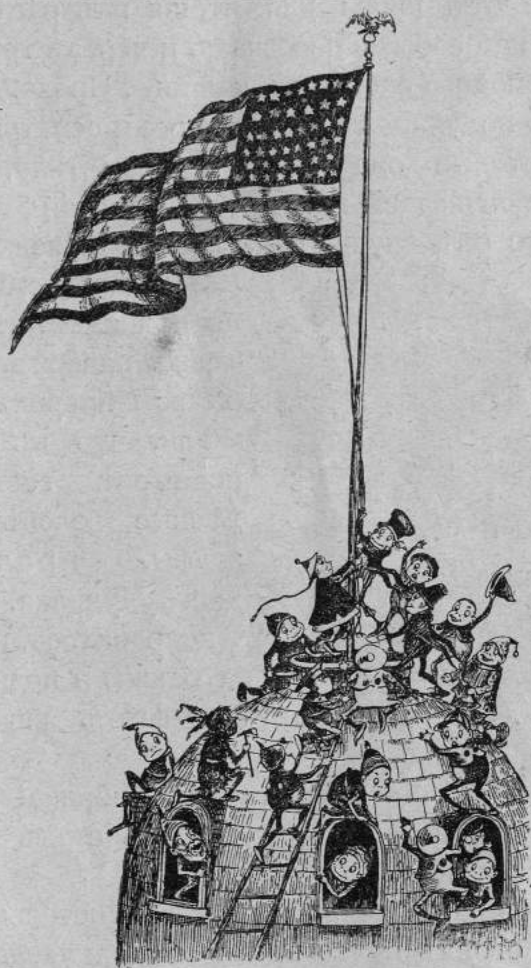
Но вотъ приѣхали мы въ Вашингтонъ и первымъ дѣломъ пошли смотрѣть Бѣлый домъ. Остановились на площади передъ домомъ и стали разсматривать его со всѣхъ сторонъ. Мы думали, что увидимъ роскошный дворецъ, а на самомъ дѣлѣ оказалось, что президентъ живетъ очень скромно. Правда, домъ большой, залы въ немъ огромныя, но никакой роскоши. Хотѣли мы войти въ самый домъ, посмотреть президента, но оказалось, что онъ уѣхалъ, а потому мы отправи-

лись смотрѣть другое замѣчательное зданіе въ Вашингтонѣ — Капитолій, гдѣ засѣдаютъ сенаторы и избранники народа, которые рѣшаютъ всѣ главные государственныя дѣла

Мы остановились на площади передъ домомъ...

Соединенныхъ Штатовъ. Что намъ особенно здѣсь понравилось, это большія картины по стѣнамъ, на которыхъ изображена вся исторія Америки. Понравилась намъ также огромная библіотека, въ которой читателямъ до-

— Ура! Да здравствуетъ Америка!—закричалъ Пуговка...

ставляютъ книги для чтенія изъ разныхъ залъ на особыхъ повозкахъ и черезъ трубы, съ помощью сложныхъ машинъ. Проходя затѣмъ по улицамъ Вашингтона и осматривая прекрасные дома города, мы замѣтили, что на одномъ зданіи виситъ американскій флагъ, но что онъ спущенъ на крышу башенки.

Мы завернулись во флагъ...

— Давайте, братцы, поднимемъ этотъ флагъ наверхъ, дабы всѣ американцы знали, что въ Вашингтонѣ гостили лѣсные человѣчки-эльфы, — предложилъ Чумилка.

Предложеніе многимъ понравилось, и мы тотчасъ же побѣжали на башню и подняли флагъ. Благодаря вѣтру флагъ развернулся широко.

— Ура! Да здравствуетъ Америка! — закричалъ Пуговка, когда флагъ сталъ развѣваться во всѣ стороны.

— Ура! — прокричали и всѣ остальные.

Я стоялъ въ то время внизу и увидалъ, какъ полицейскій, услышавъ шумъ, обер-

нулся и посмотрѣлъ на верхушку башни. Но онъ, должно быть, принялъ лѣсныхъ человѣчковъ за мухъ или паучковъ, потому что спокойно повернулъ голову и пошелъ своей дорогой...

Между тѣмъ взобравшіеся на башню спустили опять флагъ и, снявъ его съ палки, унесли внизъ. Тамъ мы, пятеро, завернулись въ флагъ и въ такомъ видѣ отправились на вокзалъ, гдѣ тотчасъ же и помѣстились въ поѣздъ, который отправлялся обратно въ Нью-Йоркъ.

XII.

Ъ утра и до поздняго вечера гуляли мы каждый день по городу Нью-Йорку, смотрѣли высокіе, шестнадцатизэтажные дома, нѣсколько разъ побывали на главной улицѣ Бродвай, были въ паркѣ Риверсейдъ, заходили въ соборы и церкви, осматривали университетъ и пр., и пр.; но все-таки оставалось посмотреть еще многое.

Насъ особенно заинтересовала здѣсь огромная статуя богини Свободы, которая возвышается на маленькомъ островкѣ при входѣ въ гавань.

Эту статую, какъ объяснилъ намъ

Статуя богини Сребоды возвышается при входѣ въ гавань...

Знайка, подарили американцамъ французы.

Она огромная, вся мѣдная. Изображаетъ она женщину, стоящую на высокомъ фундаментѣ и держащую факель въ рукахъ. Этотъ факель бросаетъ электрическій свѣтъ на очень далекое разстояніе.

— Хорошо бы намъ забраться на верхушку статуи. Оттуда вѣрно видна вся Америка, — замѣтилъ я въ разговорѣ съ Вертушкою, когда мы стояли на берегу, какъ разъ напротивъ того

Карапузикъ сѣлъ верхомъ на бочку и поплылъ по волнамъ...

островка гдѣ стояла огромная статуя;

— Что - жъ, попробуемъ взобраться туда, — отвѣтилъ Вертушка.

Нашъ разговоръ подслушали другіе, и сейчасъ же всѣ рѣшили, что намъ непременно слѣдуетъ побывать на верхушкѣ статуи.

Перебраться на островокъ, гдѣ возвышается статуя, было не такъ трудно. На взморьѣ стояли лодки и корабли, и мы вѣчеркомъ, когда матросы улеглись спать,

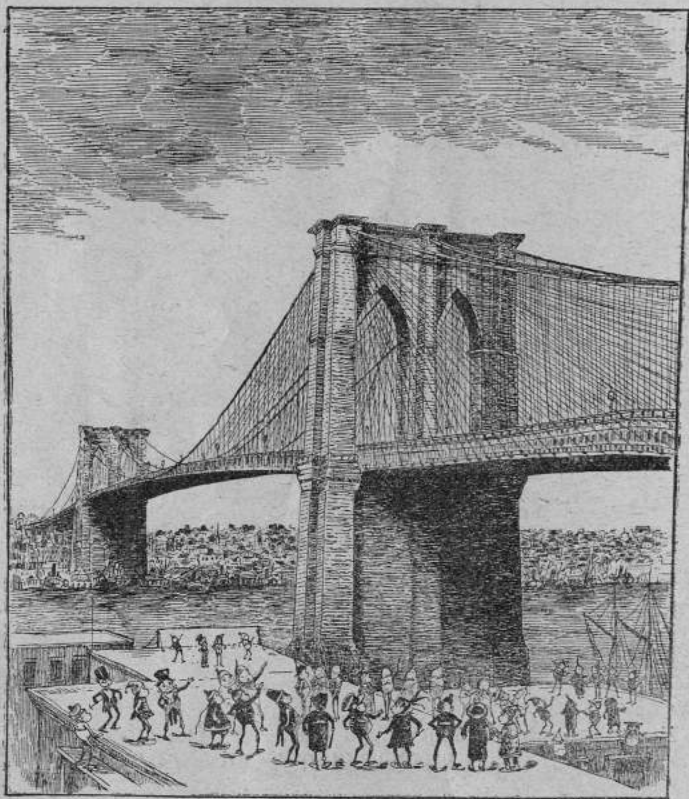
незамѣтно усѣлись въ лодки и поплыли по направленію къ статуѣ.

Когда мы уже были на половинѣ пути, то вдругъ замѣтили, что среди насъ нѣту

Мы на головѣ «Свободы», украшенной короною съ семью огромными лучами...

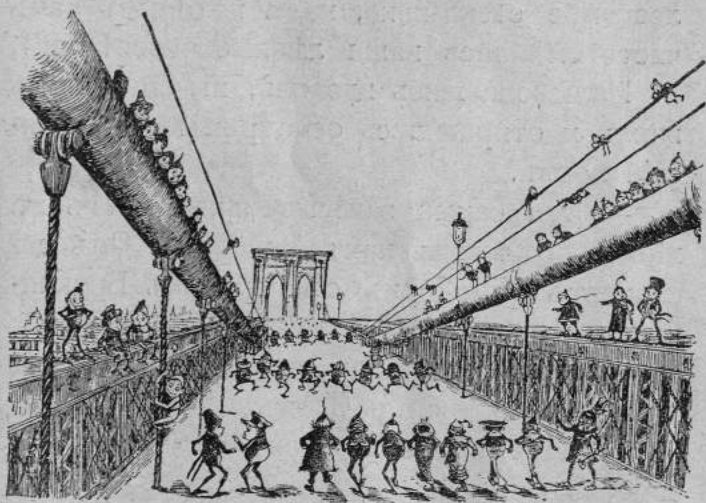
Карапузика. Онъ остался на берегу. Хотѣли уже вернуться, чтобы захватить его, но Карапузикъ, не дожидаясь насъ, сѣлъ верхомъ на бочку и поплылъ по волнамъ. Не безъ труда удалось захватить бочку багромъ и притянуть къ лодкѣ.

— Это самый замѣчательный мостъ въ мірѣ,—объяснилъ намъ Знайка...

Но воть мы внутри статуи. Тамъ, оказывается, лѣстница до самой верхушки. Разъ, два, три—и мы уже наверху, на са-

мой головѣ «Свободы», украшенной короною съ шестью огромными лучами. Матросикъ, не долго думая, сейчасъ же сталъ карабкаться на одинъ изъ лучей. Его примѣру послѣдовали и другіе, между тѣмъ какъ я,

Смѣло вошли на мостъ...

Знайка, Карапузикъ, Скокъ остановились немного ниже, у прилегающей къ волосамъ статуи короны, и стали смотрѣть въ устроенныя тамъ отверстія.

Замѣтили ли насъ люди кругомъ — не знаю. Но едва-ли. Слишкомъ, вѣроятно,

уже крошечными должно быть казались мы издалека.

Всей Америки съ верхушки статуи не было видно, но весь Нью-Йоркъ мы отлично видѣли, особенно я. Вотъ когда пригодилось мое стеклышко, надъ которымъ такъ часто смѣялись наши лѣсные человѣчки!..

Налюбовавшись вдоволь, мы спустились внизъ и отправились осматривать Бруклинскій мостъ.

— Это самый замѣчательный мостъ въ мірѣ, — объяснялъ намъ Знайка. — Онъ соединяетъ Нью-Йоркъ съ городомъ Бруклингомъ.

— Давайте, братцы, пройдемъ по этому мосту, — предложилъ Скокъ.

— А не провалится онъ подъ нами? — спросилъ я.

Конечно, спросилъ я не потому, что боялся, а просто потому, что я люблю быть осторожнымъ.

— Почему же онъ долженъ провалиться? — полюбопытствовалъ Индѣецъ.

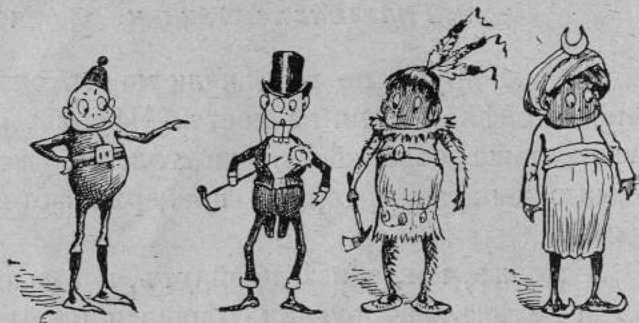
— Какъ-же, смотрите, вѣдь это мостъ висячій. Онъ держится всего на двухъ столбахъ... А насъ такъ много... — отвѣтилъ я.

Однако другіе не раздѣляли моихъ опасеній и смѣло вошли на мостъ. Нѣкоторые стали даже карабкаться на толстые желѣзные канаты, которыми придерживается мостъ.

Я ждалъ, когда всѣ пройдутъ, и только тогда вслѣдъ за другими рѣшился пройти по мосту.

Я шелъ очень осторожно, и мостъ подомною не провалился.

ХІІІ.

О ЧЕНЬ долго мы засидѣлись въ Нью-Йоркѣ, пора бы намъ отправиться въ другія мѣста Америки,—сказалъ однажды утромъ Скокъ.

— У меня другое предложеніе,—возразилъ обыкновенно молчаливый китаецъ Чи-ка-чи.—Изъ Нью-Йорка очень часто отправляются корабли на мою родину, т.-е. въ Небесную имперію...

— Небесную имперію?! Какая такая Небесная имперія?—спросилъ Карапузикъ.

— Небесною имперіею называютъ Китай, — объяснилъ Чи-ка-чи, — а нашего

китайскаго императора величаютъ «сыномъ неба».

— Ого!—воскликнулъ Чумилка.

— А какъ же съ Америкою?—спросилъ Знайка.—Вѣдь мы побывали только въ Соединенныхъ Штатахъ, а не видѣли совсѣмъ другихъ государствъ, которыя находятся въ Америкѣ, не видѣли Мексики, Канады, Бразиліи...

— Мы какъ-нибудь еще разъ соберемся въ Америку и тогда все посмотримъ,—сказалъ докторъ Мазь-Перемазь.—А въ Китай хотѣлось бы попасть: это должно быть интересная страна.

— О, ужасно интересная,—подтвердилъ Чи-ка-чи.— Тамъ насъ угостятъ такимъ чаемъ, какого никто изъ васъ никогда не пилъ. Вѣдь чай получается изъ моей родины, Китая. Хотите, я вамъ многое могу рассказать про Китай,—добавилъ Чи-ка-чи и уже влѣзъ на пень, чтобы начать рассказывать, но его прервалъ Дѣдко-Бородачъ.

— Подожди, Чи-ка-чи,—сказалъ онъ,—потомъ расскажешь. Вотъ среди насъ находится Индѣецъ Красное Перо, и онъ очень

обиженъ, что мы находимся въ Америкѣ, а Знайка ничего намъ не разсказалъ про индѣйцевъ.

— Вѣрно! Вѣрно!—раздались отовсюду голоса.—Знайка, разскажи намъ пожалуйста все, что ты знаешь про индѣйцевъ.

Знайка, ставъ на возвышеніи у дерева, сказалъ:

— О, я знаю такъ много про индѣйцевъ, что въ одинъ день всего не разсказать. Но вотъ слушайте:

— Краснокожіе индѣйцы, къ числу которыхъ принадлежитъ и нашъ милый братецъ Красное Перо, жили въ Америкѣ въ то время, когда европейцы еще совсѣмъ не знали, что существуетъ такая страна свѣта, открытая, какъ я вамъ разсказывалъ, Колумбомъ. Жили, занимаясь большею частью охотою, въ небольшихъ хижинахъ, сдѣланныхъ изъ бамбука и покрытыхъ древесными листьями. Часто воевали они между собою, такъ какъ у нихъ много разныхъ племенъ, которыя старались овладѣть землею и палатками своихъ сосѣдей. И были индѣйцы хозяевами Америки, когда появились въ ней испанскіе и другіе моряки

и воины, которые стали вытѣснять индѣйцевъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они жили много лѣтъ. Индѣйцы защищались, вели войны съ испанцами и другими европей-

Чи-ка-чи уже влѣзъ на пень, чтобы начать разсказывать...
цами, но ничего не могли подблать и удалялись все дальше и дальше въ глубь страны... Теперь уже осталось немного индѣйцевъ въ Америкѣ и почти всѣ они подчиняются бѣлокожимъ американцамъ...

Нашъ индѣецъ Красное-Перо, слушая

разсказъ Знайки, прослезился, а затѣмъ громко заплакалъ и сердито сжалъ въ рукѣ свой топоръ.

Индѣецъ Красное Перо, сердито сжалъ въ рукѣ свой топоръ...

Мы поняли, что онъ плачетъ о судьбѣ несчастныхъ краснокожихъ своихъ родственниковъ...

Знайка старался утѣшить индѣйца и разсказалъ ему, что въ Америкѣ есть еще другой несчастный народъ—чернокожіе негры, которыхъ тоже сильно притѣсняли бѣлокожіе, сдѣлавъ своими рабами, заставляя ихъ страшно работать, наказывая за малѣйшую оплошность.

— Эти негры были долго рабами бѣлокожихъ. Они ихъ продавали точно животныхъ, отнимали дѣтей у родителей, разлучали мужей съ женами, пока наконецъ не изданъ былъ законъ, который освободилъ негровъ отъ рабства...

Знайка старался утѣшить индѣйца...

Разсказъ Знайки однако не утѣшилъ

Индѣйца. Онъ продолжалъ грустить, сверкая сердито глазами.

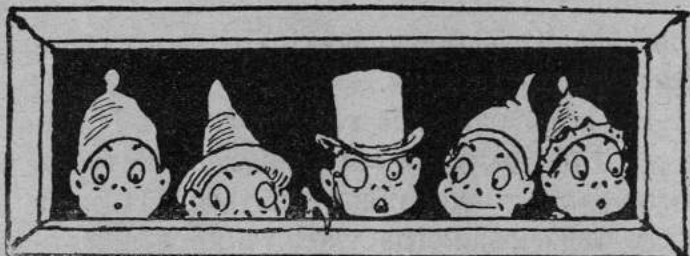
Но вотъ раздался громкій голосъ Мика:

— Братцы, если мы рѣшаемъ ѣхать въ Китай, то надо приготовиться. Прежде всего узнаемъ, когда уходитъ корабль, который отправляется въ Китай.

— Это я скоро узнаю! — воскликнулъ Скокъ. — Дайте мнѣ сюда велосипедъ, я поѣду въ гавань и тамъ все разспрошу.

Спустя часъ, мы уже знали, что большой американскій корабль готовъ къ отплытію въ Китай и что для насъ найдется на немъ достаточно мѣста.

XIV.

ТЕПЕРЬ, Чи-ка-чи, ты долженъ показывать дорогу, куда намъ идти или ѣхать, — сказалъ Знайка, когда нашъ корабль послѣ долгаго путешествія подошелъ къ берегамъ Китая. — Ты самъ китаецъ, умѣешь по-китайски говорить, такъ будь нашимъ проводникомъ.

— Чингъ-ченгъ-чангъ, то есть по-китайски «съ удовольствіемъ», — отвѣтилъ Чи-ка-чи. — Идите за мною.

И онъ открылъ большой китайскій зонтикъ.

— Зачѣмъ ты открылъ зонтикъ?—спросилъ я. — Вѣдь дождя нѣтъ.

— У насъ, въ Китаѣ, такой обычай, что всѣ знатные люди ходятъ съ зонтиками даже въ хорошую погоду, — объяснилъ Чи-ка-чи.

— А попадемъ ли мы куда-нибудь съ тобою, Чи-ка-чи? Я слышалъ, что весь Китай огороженъ Великой стѣной.

— Да, Великая стѣна, или по-нашему Ван-ли-чангъ-чингъ... Но что-жъ изъ этого?

— Насъ не пропустятъ.

— Э, пустяки! Я васъ проведу!—успокоилъ Чи-ка-чи.

Вскорѣ мы очутились передъ высокой каменной стѣной.

— Вотъ и Ван-ли-чангъ-чингъ, — сказалъ Чи-ка-чи.

— Ого!—воскликнулъ Скокъ, окидывая взглядомъ Великую стѣну, — черезъ нее въ самомъ дѣлѣ трудно перебраться.

— Пустяки!—возразилъ Чи-ка-чи, хитро улыбаясь.

— А къ чему построена эта стѣна?

— О, это очень, очень старая стѣна, — сказалъ Чи-ка-чи, — она была выстроена кру-

гомъ всего Китая, чтобъ непріятель не могъ вторгнуться въ Китай. Строили ее много-много лѣтъ. Ея длина около 4000 верстъ. Если бы собрать есѣ камни и кирпичи, употребленные сюда, то изъ нихъ можно было бы выстроить 2 милліона домовъ. Вдоль всей стѣны были раньше укрѣпленныя башни, и всюду разставлена была стража. Вотъ тогда мы не могли бы такъ легко проникнуть въ Китай. Только бы подошли къ стѣнѣ, стража сейчасъ — пафъ!

— Ай! — невольно вырвалось у меня. — Уйдемъ скорѣе!

— Не бойся, Мурзилка, — успокоилъ меня Чи-ка-чи, — вѣдь это было много лѣтъ тому назадъ. Теперь тутъ никакой стражи нѣтъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? — обрадовался я. — Ну, такъ впередъ!

И я, не дожидаясь другихъ, сталъ карабкаться на стѣну. Но это было не легко: не поднявшись и на аршинъ отъ земли, я кувырккомъ полетѣлъ обратно и навѣрно разбился бы, если-бы меня не поддержали товарищи.

— Подождите, друзья, — замѣтилъ Чи-

ка-чи,—идемте дальше, тамъ есть въ стѣнѣ трещина, по ней мы и проберемся.

Мы пошли за китайцемъ и скоро, въ самомъ дѣлѣ, нашли трещину, по которой удобно было взобраться на верхъ стѣны.

Минуть черезъ пять безъ всякихъ приключеній мы всѣ были уже наверху.

— Сейчасъ спустимся и будемъ въ Не-

Мы всѣ были уже наверху...

бесной имперіи, т.-е. въ настоящемъ Китаѣ, и двинемся прямо къ нашей столицѣ, къ Пекину.

— А не поздно ли будетъ, Чи-ка-чи?—спросилъ осторожный Дѣдко-Бородачъ.—Смотри, какъ стемнѣло!

— Ничего!—отвѣтилъ Чи-ка-чи.—Подождите, я сейчасъ зажгу фонарь!—и онъ скрылся куда-то.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся держа въ рукѣхъ на длинной бамбуковой палкѣ прехорошенькій пестрый бумажный фонарикъ.

— Ахъ, какая прелесть!—воскликнуло въ одинъ голосъ нѣсколько лѣсныхъ чело-вѣчковъ.—Откуда ты его взялъ?

— Это еще не все! — засмѣялся Чи-ка-чи,—смотрите!

Онъ потряхнулъ широкимъ рукавомъ своего кафтана и оттуда что-то посыпалось.

— Что это?

— Наши бумажные складные фонарики,—съ гордостью отвѣтилъ Китаецъ и принялся раскрывать фонари.

— Зачѣмъ же ты ихъ положилъ въ рукавъ?—удивился я.

— А куда же?—спросилъ съ недоумѣніемъ Чи-ка-чи.

— Въ карманъ!

— Въ китайскихъ платьяхъ кармановъ почти никогда не дѣлается,—отвѣтилъ Чи-ка-чи.

— Въ самомъ дѣлѣ?—удивился я.—Ну-ка покажи свое платье, я никогда не присматривался къ твоему костюму.

— Вотъ смотри: широкія панталоны, синяя куртка, а сверху черная кофта. Зимой мы носимъ обыкновенно нѣсколько куртокъ, которыя у богатыхъ дѣлаются изъ шелка. Богачи носятъ также поверхъ еще длинную верхнюю одежду съ длиннѣйшими рукавами. Никакихъ украшеній на своей одеждѣ мы не любимъ. Иногда лишь украшаемъ свое платье вышивками.

Пока китаецъ рассказывалъ о китайской одеждѣ, остальные лѣсные малютки развернули бумажные фонарики и, засвѣтивъ ихъ, взяли каждый себѣ по одному.

Только у одного меня не оказалось фонаря. Онъ вернулся, держа въ рукѣ бумажный фонарикъ...

— Послушай,—обратился я къ Знайкѣ,—дай мнѣ твой фонарикъ, а то я близорукъ и впотьмахъ, пожалуй, упаду.

— Я не могу,—возразилъ Знайка,—у меня у самого только одинъ. А вотъ, смотри, у Матросика два фонаря.

Я взглянулъ: въ самомъ дѣлѣ у Матросика въ рукахъ было два фонарика.

— Дай мнѣ твой фонарикъ...

Онъ подѣлился со мной, и мы двинулись дальше.

Едва мы прошли шаговъ пятьдесятъ, какъ въ темнотѣ послышался какой-то стонъ.

— Кто это стонетъ? Что случилось?—

переполошились всѣ.

— Охъ! Охъ! Ой!— раздавалось гдѣ-то впереди на дорогѣ.

Чумилка-Вѣдунъ, бывшій впереди всѣхъ, побѣждалъ на стонъ.

За нимъ поспѣшили другіе.

— Да это Карапузикъ! воскликнулъ Чумилка, нагибаясь и освѣщая своимъ

У Матросика въ рукахъ было два фонарика...

кругленькимъ фонаремъ чью-то темную фигуру.

Въ самомъ дѣлѣ, на травѣ сидѣлъ Карапузикъ, потирая рукой свое правое колѣно.

— Что съ тобой?

— Охъ, охъ! — сто-
налъ Карапузикъ, — упалъ,
ушибъ или вывихнулъ се-
бѣ ногу; дальше идти не
могу.

— Да это Карапузикъ! —
воскликнулъ Чумилка...

— Ну-ка, посмотримъ,
что съ тобой! — сказалъ
докторъ Мазъ-Перемазъ, выдвигаясь впе-
редъ.

— Посвѣтите-ка мнѣ!

Пуговка продвинулся впередъ и освѣ-
тилъ Карапузика своимъ
фонаремъ.

— Пустяки! Маленькая
ссадина! — заговорилъ
Мазъ-Перемазъ. — Сейчасъ
я тебѣ достану изъ моей

аптечки примочку, забинтую ногу, и все
пройдетъ. Только, друзья, — обратился онъ

На травѣ сидѣлъ Кара-
пузикъ...

къ намъ,—совѣтую прекратить это ночное путешествіе, пока мы всё не искалѣчились.

— Въ самомъ дѣлѣ, вернемся, переночуемъ, а завтра утромъ пораньше въ путь!—предложилъ Бородачъ.

Какъ ни спорилъ Чи-ка-чи, но ему пришлось подчиниться общему рѣшенію.

Найдя подходящее мѣстечко, мы расположились на ночлегъ.

Утромъ насъ разбудили звуки колокольчика.

— Что это за звонъ?—спросилъ я Чи-ка-чи.

— Это звонятъ въ китайской церкви или пагодѣ,—отвѣтилъ онъ; —когда китайцы молятся, они всегда звонятъ въ колокольчики... Вотъ, видите, тамъ виднѣется башня?

— Да, да,—воскликнулъ Заячья-Губа, —я вижу какое-то странное зданіе въ видѣ башни.

— Это и есть пагода!

— Скорѣе идемъ туда!—предложилъ Скокъ.

Мы пошли и скоро всей толпой окружили пагоду.

— Не попробовать ли взобраться наверхъ?—сказаль Скокъ.

— Не надо, лучше внутри ее посмотришь,—возразиль Дѣдко-Бородачъ,—а то вотъ и Карапузику будетъ трудно взбираться съ больной ногой, да и я не охотникъ лазить по верхамъ.

— Ну, вотъ еще! — возразиль Скокъ.—Я полѣзу, а вы какъ хотите.

— И я полѣзу съ тобой!—сказаль я.

— И мы!—присоединились къ намъ нѣкоторые другіе.

Мы начали взбираться.

Мнѣ въ это время вздумалось подшутить надъ

Карапузикомъ, напугать его. Я остановился и, подойдя къ самому краю одного изъ выступовъ, окружавшихъ въ видѣ крыши каждый этажъ башни, крикнулъ ему нарочно очень громко:

— Карапузикъ, берегись! Сейчасъ я прыгну отсюда прямо тебѣ на голову! Посторр...

Пуговка придвинулся впередъ...

Вдругъ—кракъ! Трескъ, шумъ! Выступъ обломился и, не успѣвъ договорить, я въ самомъ дѣлѣ полетѣлъ внизъ. Навѣрно, мнѣ не миновать бы головы Карапузика, если бы не выступъ слѣдующаго этажа, задержавшій меня.

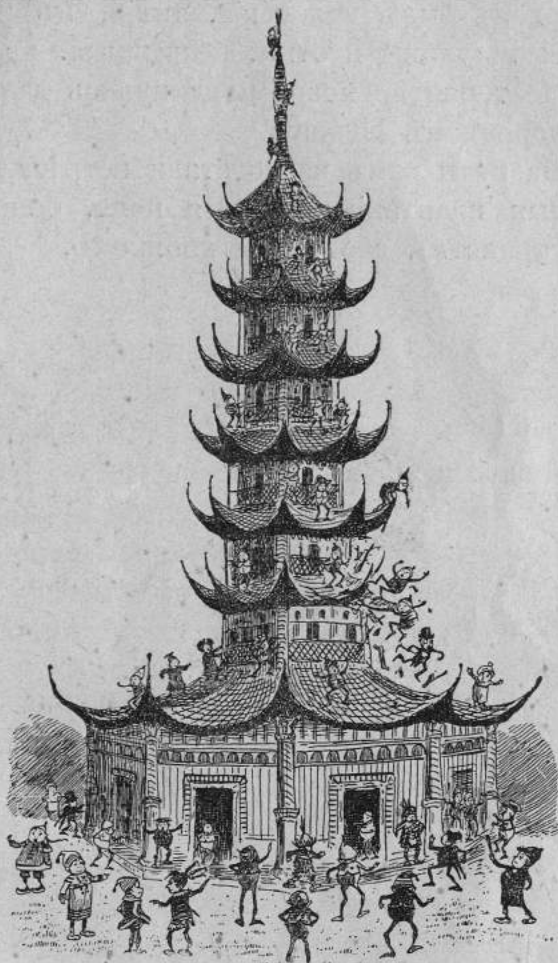
— Браво, Мурзилка!—засмѣялся снизу Карапузикъ.—Говорилъ—полетишь и полетѣлъ. Молодецъ! Честно держишь слово!

— Ну, ну, молчи!—крикнулъ я, оправляясь,—а то еще вторую ногу подобьешь себѣ... Это все китайцы виноваты, даже своей церкви не сумѣли прочно сдѣлать. Что за страна такая!?

— Мурзилка, придержи свой языкъ,—замѣтилъ мнѣ Чи-ка-чи.—А то, если мои сородичи услышатъ, бѣда тебѣ будетъ: живо разложатъ тебя на землѣ и накажутъ по пяткамъ бамбуковыми палками или своими длинными косами... Они не любятъ, когда кто-нибудь порицаетъ ихъ...

— Ну, ну, Чи-ка-чушка, не буду!—заговорилъ я, украдкой оглядываясь.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь китаецъ, могъ услышать мои слова. Къ счастью, кругомъ все было спокойно и тихо.

Я полетѣль внизъ...

Городокъ былъ маленькій, тихій, въ родѣ деревни, улицы пустыя, безлюдныя.

Не теряя времени, мы двинулись дальше по дорогѣ къ Пекину.

На пути намъ часто стали встрѣчаться чайныя плантаціи, рисовыя поля, большія пространства, засѣянные хлопкомъ.

XV.

ТЕПЕРЬ, братцы, осторожниѣе, чтобы насъ какъ-нибудь не замѣтили китайцы,—сказалъ Знайка, когда мы проходили мимо одной китайской деревни.—Китайцы,—объяснилъ при этомъ Знайка,—не любятъ прїѣзжающихъ въ ихъ страну чужихъ людей, и даже бывали случаи, когда они убивали этихъ людей...

— Неужели убивали!?—воскликнулъ я и предложилъ лучше вернуться обратно.

Но Чи-ка-чи насъ успокоилъ.

— Это было прежде, — сказалъ онъ.— Теперь мои сородичи, китайцы, уже не такъ строго относятся къ чужестранцамъ. Правда, и теперь бываютъ случаи, что китайцы уби-

вають иностранцевъ, но наше правительство строго наказываетъ за это виновныхъ. Теперь даже въ нашей столицѣ, Пекинѣ, живутъ иностранцы.

— Все-таки мнѣ кажется, чтобы избѣгнуть всякой опасности, намъ слѣдовало бы переодѣться китайцами.

— Что-же, это можно, — отвѣтилъ Чи-ка-чи. — Вотъ тутъ какъ разъ стоитъ китайская хижина, въ которой живутъ работники съ чайныхъ полей или, какъ ихъ называютъ, плантацій. У нихъ, навѣрное, въ хижинѣ спрятана праздничная одежда. Вы можете всѣ переодѣться. А только лицомъ-то никто изъ васъ не похожъ на китайца...

— Это ничего. Никто не разглядитъ, — рѣшилъ Дѣдко-Бородачъ.

Спустя нѣсколько минутъ, мы уже были въ хижинѣ.

Чи-ка-чи не ошибся. Тамъ была тщательно сложена праздничная китайская одежда рабочихъ и ихъ дѣтей, и, кромѣ того, тамъ же находились носилки, на которыхъ въ Китаѣ носятъ важныхъ сановниковъ - мандариновъ, китайскія знамена, вооруженіе китайскаго воина и много дру-

тихъ вещей. Мы стали быстро переодѣваться и вскорѣ уже многіе изъ насъ превратились въ настоящихъ китайцевъ. Въ

Вскорѣ уже многіе изъ насъ превратились въ настоящихъ китайцевъ...

хижинѣ нашли даже длинныя косы, которыя носятъ китайцы, и Чи-ка-чи искусно придѣлывалъ ихъ по очереди всѣмъ намъ, лѣснымъ человѣчкамъ.

Въ носилки, которыя нашлись въ хижинѣ, мы усадили самаго толстаго изъ насъ, Мика, а докторъ Мазъ-Перемазъ, Карапузикъ, Незнайка и Индѣецъ понесли носилки на плечахъ. Впереди пошелъ Хрипунъ съ большой китайской грамотой, выкрикивая непонятныя слова; сзади — понесли китайскія знамена, а Скокъ и Кнопка, переодѣтые китайскими воинами, одинъ съ саблей, другой съ большой китайскою пикою въ рукахъ, заняли мѣсто рядомъ съ носилками — и шествіе двинулось въ путь.

Сзади за носилками пошли остальные человѣчки, въ томъ числѣ я, Заячья-Губа, Тузикъ и другіе.

Я выбралъ себѣ самое изящное китайское платье, какое только нашлось въ хижинѣ, прикрѣпилъ къ нему букетъ и, захвативъ мое стеклышко и тросточку, двинулся вмѣстѣ съ остальными. Но въ китайскихъ войлочныхъ туфляхъ очень неудобно было шагать впередъ, и я предпочелъ помѣститься въ корзинкѣ для овощей, прикрѣпленной къ длинной бамбуковой палкѣ, которую несли Заячья-Губа и Тузикъ.

Въ нашемъ шествіи были и переодѣтые китайскими торговцами рыбою и овощами лѣсные человѣчки, были и надзиратели плантацій, съ кнутомъ въ рукѣ, разѣз-

Шествіе двинулось въ путь...

жавшіе на осликахъ, и т. д. Словомъ, если-бы насъ и встрѣтилъ кто-нибудь, то едва-ли отличилъ бы насъ отъ настоящихъ китайцевъ.

Сзади всѣхъ ѣхалъ на осликѣ Рикки, въ очкахъ, имѣя впереди переодѣтаго ки-

тайскимъ трубачемъ Дундука, а сзади—китайскаго воина съ пикою и саблею.

Долго шли мы, не встрѣчая никого на пути, но вдругъ Чи-ка-чи крикнулъ:

Въ китайскихъ войлочныхъ туфляхъ очень неудобно было шагать впередъ...

— Спасайтесь! Хунхузы приближаются!
Хунхузы—это китайскіе разбойники.

Конечно, всѣ испугались и пустились бѣжать.

Тутъ произошло нѣчто такое, что даже описать трудно.

Несшіе носилки съ Микомъ споткнулись, и вслѣдъ затѣмъ Микъ и всѣ его четверо носильщиковъ очутились на землѣ.

Свади всѣхъ ѣхалъ на осликѣ
Рикки...

Я въ это время сидѣлъ, скорчившись, въ моей корзинѣ и никакъ не могъ оттуда выбраться. Напрасно кричалъ я: «Стойте! Остановитесь! Дайте мнѣ вылѣзть изъ корзины!» Никто, очевидно, не слышалъ моего

голоса. Всѣ бѣжали по направленію къ той хижинѣ, гдѣ лежало наше платье.

Мы уже были у самой хижины, когда Чи-ка-чи вдругъ расхохотался:

— А знаете, вѣдь я ошибся, — сказалъ онъ. —

Несшіе носилки съ Микомъ споткнулись...

Никакихъ хунхузовъ не видать. Это просто были... полевые мыши...

Переодѣвшись, мы рѣшили отправиться дальше. Но я такъ усталъ, что идти никакъ не могъ. Вѣдунъ и Скокъ рѣшили мнѣ помочь и понесли меня на носилкахъ,

сдѣланныхъ изъ двухъ бамбуковыхъ палокъ и куска китайской матеріи. Пройдя довольно длинный путь, мы замѣтили китайскій домъ, куда и вошли незамѣтно.

Вся семья сидѣла прямо на полу, на

Микъ и всѣ четверо носильщиковъ очутились на землѣ...

разостланныхъ коврахъ изъ соломы и, по-видимому, ужинала. На низенькомъ столикѣ стояла большая миска съ варенымъ рисомъ и маленькія пестрыя чашечки съ чаемъ. Ни ложекъ, ни вилокъ не было. Китайцы ѣли рисъ гладко оструганными деревянными

палочками, такъ ловко управляя ими, что не роняли ни одного зернышка.

Видъ ужинавшихъ людей возбудилъ у меня аппетитъ, и я рѣшилъ пробраться къ ихъ столу. Ко мнѣ присоединились Скокъ и Пучеглазка. Но только успѣли мы подойти къ мискѣ, какъ одинъ изъ китайцевъ, принявъ насъ, очевидно, за мухъ, замахнулся и со всей силы ударилъ меня своей палочкой. Не помню, какимъ чудомъ я остался живымъ. Въ это время Пучеглазка и Скокъ благополучно удрали.

Намъ пришлось лечь спать голодными.

На другой день съ утра мы отправились осматривать городъ Пекинъ. Забравшись на высокую стѣну, раздѣляющую городъ на двѣ части, мы увидѣли огромное число домовъ и садовъ, желтые и зеленые верхи храмовъ, пагодъ, и причудливые, покрытые блестящими кирпичами крыши какого-то огромнаго дворца.

— Что это за дворецъ? — спросилъ Дѣдко-Бородачъ.

— Это дворецъ императора, — отвѣтилъ Чи-ка-чи. — А вотъ здѣсь рядомъ — храмъ Конфуція.

— Кто это Конфуцій?—спросилъ я.

— Конфуцій былъ мудрецъ, самый умный изъ китайцевъ. Онъ составилъ нѣсколько книгъ, гдѣ сказано, какъ китайцы должны жить, молиться и т. д. Едва лишь мальчику-китайцу исполнится шесть лѣтъ, его засаживаютъ обучаться тому, что написано въ этихъ книгахъ. Чѣмъ лучше онъ выучитъ это и чѣмъ больше сдастъ экзаменовъ, тѣмъ высшую займетъ должность.

Чи-ка-чи разсказывалъ намъ о Конфуціи...

Пока Чи-ка-чи разсказывалъ намъ это, мы присматривались къ китайской жизни на улицѣ. Взадъ и впередъ вокругъ насъ сновалъ народъ, торговцы, дѣти, женщины. Всѣ они были по-

Вѣдунъ и Скокъ понесли меня на носилкахъ...

хожи одинъ на другого: у

всѣхъ желтыя лица, узенькіе глаза, приплюснутые носы, длинныя черныя косы.

Я обратилъ вниманіе, что на нѣкоторыхъ мужчинахъ были надѣты шапочки съ какими-то странными, разноцвѣтными стеклянными шариками.

— Что это за шарики? — спросилъ я Чи-ка-чи.

— Этими шариками отличаются по своимъ чинамъ китайскіе чиновники или мандарины. У однихъ—стеклянные, у другихъ коралловые, у третьихъ—хрустальные, а у высшихъ чиновъ—даже золотые.

Мы пробродили по улицамъ Пекина почти весь день.

— Теперь куда же мы направимся? — спросилъ, наконецъ, Пуговица, не любившій быть долго на одномъ мѣстѣ.

— Я покажу вамъ другіе китайскіе города, — отвѣтилъ Чи-ка-чи.

— А по-моему, — возразилъ Дѣдко-Бородачъ, — нужно намъ подумать и объ обратномъ путешествіи.

— Бородачъ правъ, — подтвердилъ Знайка, — только я бы предложилъ побывать еще въ Японіи, это близко отсюда, и къ тому же страна очень интересная.

— Вотъ еще! Стоитъ-ли ѣхать въ Японію?—съ презрѣніемъ замѣтилъ Чи-ка-чи.

— Какъ хочешь, Чи-ка-чи, — отвѣтилъ ему Бородачъ;—можешь оставаться здѣсь. Мы знаемъ, что вы, китайцы, не любите японцевъ.

— Нѣтъ,—сказалъ китаецъ, —я не хочу разлучаться съ вами; кромѣ того, мнѣ тоже интересно посмотрѣть Японію. Говорятъ, что китайцы и японцы родственны.

— Значить, ѣдемъ въ Японію!—закричалъ Знайка такъ громко, что проходившіе мимо два китайскихъ мандарина оглянулись.

— Въ Японію, въ Японію! — подхватили хоромъ мы.

Покинувъ Пекинъ, мы пѣшкомъ добрались до моря и тамъ сѣли на пароходъ, отправлявшійся въ Японію.

XVI.

сейчасъ узналъ, что на нашемъ пароходѣ находится японецъ, который намъ разскажетъ много интереснаго про Японію, — сказалъ Знайка, когда мы очутились въ открытомъ морѣ на пути изъ Китая въ Японію.—Подождите, я его сейчасъ приведу.

Черезъ минуту онъ снова появился, ведя съ собой подъ руку маленькаго человѣчка, такого же маленькаго какъ мы, эльфы, но одѣтаго въ широкое японское платье съ открытымъ вырѣзомъ спереди и подпоясанаго пестрымъ широкимъ поясомъ.

-- Вотъ это японецъ, Бирюшима, а это

мои товарищи! — торжественно произнесъ Знайка.

Маленькій японецъ раскланялся и про-
бормоталъ что-то по-японски.

— Вы ѣдете вмѣстѣ съ нами въ Японію и, конечно, поможете намъ познакомиться съ вашей родиной, — любезно началъ Дѣдко-Бородачъ, подходя къ Бирюшимъ, и вдругъ расхохотался.

— Ахъ, проказникъ! Ха-ха-ха! Ловко обманулъ! Хорошъ Бирюшима!

Мы съ недоумѣніемъ смотрѣли то на Бородача, то на — Я—Бирюшима... японца и вдругъ сами расхохотались.

Японецъ Бирюшима былъ не кто иной, какъ нашъ же пріятель, одинъ изъ самыхъ маленькихъ лѣсныхъ человѣчковъ, Бирюлька.

— Ха-ха-ха! Ай да Бирюлька!

— Я—Бирюшима, — серьезно произнесъ мнимый японецъ, стараясь самъ удержаться отъ смѣха.

— Теперь Бирюльки больше нѣтъ, — замѣтилъ Знайка, — смотрите, какой онъ сталъ желтолицый! — и Знайка запѣлъ:

Подъ горячимъ южнымъ солнцемъ
Нашъ Бирюлька сталъ японцемъ,
Въ халатъ японскій нарядился
И въ Бирюшиму превратился.

Тутъ Скокъ подхватилъ:

А мы не далися впросакъ:
Сейчасъ смекнули—что и какъ.
Бирюльку живо въ немъ узнали
И Бирюшиму развѣнчали...

— Значить, вы не вѣрите, что я японецъ?—засмѣялся Бирюлька-Бирюшима;— вотъ, подождите, прїѣдемъ въ Японію, я вамъ докажу, какъ я ее хорошо знаю.

— Въ самомъ дѣлѣ, — замѣтилъ Знайка, — нашъ Бирюшима отлично знаетъ Японію и потому предводителемъ въ путешествіи по Японіи будетъ онъ, а не я.

— Ну, куда же ты прежде всего поведешь насъ, Бирюлька? — спросилъ докторъ Мазь-Перемазь.

— Въ японскую столицу—Токію,—отвѣтилъ Бирюлька. — Какъ только пароходъ подойдетъ къ японскому берегу, мы направимся пѣшкомъ въ Токію...

— Пѣшкомъ? — въ ужасъ вскричали я и Карапузикъ. — Мы не въ состояніи...

— Ну, для васъ можно сдѣлать паланкинъ!—отвѣтилъ Знайка.

— Это еще что за штука?—спросилъ я.

— Это ты сейчасъ увидишь. А пока идите, друзья, наберите побольше небольшихъ кусковъ дерева, да веревокъ...

Работа быстро закипѣла.

Когда пароходъ подошелъ къ Японіи, паланкинъ былъ уже готовъ. Это было не что иное, какъ носилки, которыя у японцевъ замѣняютъ экипажи.

— Ну, Карапузикъ и Мурзилка, садитесь въ паланкинъ!—скомандовалъ докторъ Мазь-Перемазь.

Мы сѣли. Докторъ, Заячья-Губа, Самоѣдъ, Пуговица и Вертушка приготовились насъ нести.

— Господа,—замѣтилъ я, придвигаясь къ Карапузику,—тутъ столько мѣста, что можетъ еще кто-нибудь сѣсть.

— Садись, Бирюшима, — предложилъ Заячья-Губа,—ты теперь японецъ, тебѣ слѣдуетъ по-японски и путешествовать.

— Съ удовольствіемъ! — отвѣтилъ Бирюлька, усаживаясь въ паланкинъ.

Мы двинулись въ путь.

Путешествіе въ паланкинѣ оказалось очень пріятнымъ. Меня скоро убаюкало, и я незамѣтно задремалъ. Мнѣ казалось, что я ѣду въ лодкѣ. Вдругъ сильный толчекъ! Я качнулся и чуть-чуть не вылетѣлъ кувиркомъ. Только успѣлъ схватиться за Бирюльку.

— Что случилось? — съ испугомъ спросилъ я.

— Ничего не случилось, — отвѣтилъ Бирюлька, — а только мы сейчасъ пойдемъ осматривать статую Будды.

— Будды? — переспросилъ я. — Что такое Будда.

— Будда — это былъ индійскій царевичъ, жившій много тысячъ лѣтъ назадъ. Это былъ очень умный и добрый царевичъ. Этотъ то Будда основалъ новую вѣру, которую сначала приняли индусы, потомъ китайцы и, наконецъ, японцы. Теперь Будда считается японскимъ святымъ. Въ Японіи много статуй Будды, но особенно славится одна, громадныхъ размѣровъ, украшенная драгоцѣнными камнями. Эту статую мы теперь и посмотримъ, — объяснилъ Бирюлька.

Вскорѣ мы увидали огромную статую великана, голова котораго блестѣла издалека.

— Что это тамъ блеститъ на этой статуѣ?—спросилъ Карапузикъ.

— Это головной уборъ Будды изъ дорогихъ камней, — отвѣтилъ Знайка.

— Давайте, заберемъ на Будду!—предложилъ Скокъ.—Посмотримъ, что за камни у него на головѣ.

Мы начали карабкаться. Первымъ забрался на самый верхъ Матросикъ. За нимъ полѣзъ Чи-ка-чи, но покачнулся и едва удержался, схватившись за одинъ изъ драгоценныхъ камней. Пока Индѣецъ, Самоѣдъ и я взбирались на плечи къ Буддѣ, докторъ Мазъ-Перемазь со Знайкой очутились на каменномъ столикѣ съ золотыми ножками, стоявшемъ передъ Буддой. На этомъ столикѣ стоялъ довольно большой горшокъ, отъ котораго шелъ паръ.

— Смотрите, — сказалъ Треуголка, — какъ японцы кормятъ своего Будду.

— Ну, — замѣтилъ Знайка, — врядъ ли каменный Будда можетъ ѣсть.

— А вкусно пахнетъ!—воскликнулъ Пучеглазка, заглядывая въ горшокъ.

— Это совсѣмъ не кушанье, а благо-
вонное куренье,—сказалъ Бирюшима.

Мы долго пробыли у статуи и, на-
конецъ, рѣшили двинуться дальше. Былъ
какъ разъ полдень. На улицѣ стояла такая
ужасная жара, что буквально трудно было
дышать.

— Куда бы спрятаться отъ солнца,—
застоналъ Карапузикъ,—а то я скоро растаю
отъ жары.

— Надо просто зайти въ какой-нибудь
домъ, переждать жару,—сказалъ Дѣдко-
Бородачъ,—а то въ самомъ дѣлѣ трудно
идти.

Мы согласились съ этимъ и подошли къ
ближайшему же маленькому домику.

Въ комнатахъ никого не было, кромѣ
молоденькой японки, крѣпко спавшей на
деревянной низенькой подставкѣ, замѣняв-
шей ей кровать. Въмѣсто подушки у нея
была маленькая деревянная скамеечка.

— Какъ ей, бѣдной, неудобно спать на
такой скамеечкѣ!—замѣтилъ Путька, лю-
бившій поспать.

— Такія подставки подъ головы японки
употребляютъ, чтобы не помять своихъ

Первымъ забрался на самый верхъ Матросикъ ..

причесокъ. Смотрите, какъ она причесана! — объяснилъ намъ Знайка.

Въ самомъ дѣлѣ, у спящей японки была какая-то необыкновенно затѣйливая высокая прическа, при чемъ волосы держались точно склеенные чѣмъ-то.

Въ то время, какъ мы рассматривали спящую японку, въ сосѣдней комнатѣ раздался грохотъ.

Разбуженная шумомъ, японка вскочила на ноги.

Мы выглянули изъ-за вѣера...

Мы, какъ мыши, метнулись въ разные стороны.

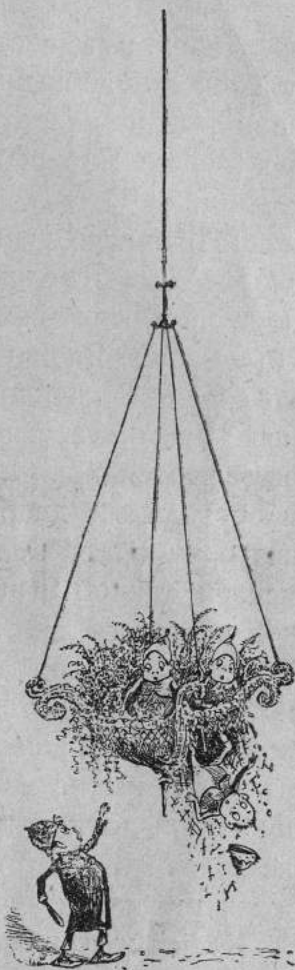
— Это кто-то изъ нашихъ напраказилъ, — замѣтилъ Чи-ка-чи, прячась вмѣстѣ со мной за большой вѣеръ, разставленный въ комнатѣ въ видѣ ширмы.

Когда черезъ минуту мы оттуда выглянули, въ комнатѣ никого уже не было: всѣ лѣсные малютки выбѣжали на улицу. Мы вышли изъ своей засады и пустились за ними.

— Что тамъ случилось? — спросилъ я, догоняя Бородача.

— Скокъ, Путька и Пуговица, увидѣли въ японскомъ домикѣ висѣ- чій вазонъ съ цвѣтами и, забравшись на него, давай качаться, какъ на качеляхъ, — вмѣшал- ся въ разговоръ Тузил- ка. — Я только успѣлъ крикнуть имъ: — «Смо- трите, оборветесь!» какъ — трахъ — Скокъ полетѣлъ внизъ голо- вой, веревка оборва- лась и тяжелый вазонъ грохнулъ на полъ.

На улицѣ было по- прежнему жарко. Чтобы спастись какъ-нибудь отъ палящаго солнца, мы раздобыли въ игру- шечномъ магазинѣ мно- го маленькихъ дѣт- скихъ японскихъ зонти- ковъ и, закрывшись ими, рѣшили продол-

Скокъ полетѣлъ внизъ головой...

жать наше путешествіе. Эти зонтики оказались очень удобными въ пути. Далѣе мы съ ними уже не разставались, и все наше путешествіе по Японіи мы совершили подъ зонтиками.

Добравшись сначала до города Іокагамы, а оттуда до столицы Японіи, Токио, мы принялись осматривать дворцы, улицы, сады. Но столица Японіи оказалась совсѣмъ не красивой. Въ ней много домовъ маленькихъ, низенькихъ, деревянныхъ, среди которыхъ выдѣляются храмы, одна огромная пагода и прекрасный дворецъ микадо, т. е. японскаго императора, окруженный высокой каменной стѣной и широкимъ, наполненнымъ водою, рвомъ. Что намъ понравилось въ Токио, такъ это большой паркъ Шиба, въ которомъ находится гробница шести сіюгуновъ—т. е. правителей Японіи. Экипажей въ Токио мы не встрѣчали, но за то тамъ много двухколесныхъ повозокъ, которыя везли люди. Это японскіе извозчики или дженерикши.

Но болѣе всего насъ поразило въ Токио то, что изъ японцевъ, которыхъ мы встрѣчали, одни носили японскія платья, въ особен-

ности длинные халаты, вышитые пестрыми цвѣтами, между тѣмъ какъ другіе были одѣты въ европейское платье.

— Почему это?—спросили мы Знайку.

— Видите-ли, — объяснилъ намъ Знайка, — прежде всѣ японцы одѣвались въ свои народные костюмы, носили косы, какъ ки-

Все путешествие мы совершили подъ зонтиками ..

тайцы, и чуждались другихъ образованныхъ народовъ. Но теперь японцы, особенно живущіе въ большихъ городахъ, одѣваются уже по-европейски, стригутъ волосы и стараются во всемъ походить на европейцевъ. Они усердно учатся и даже теперь уже настолько образованы, что не уступаютъ самымъ просвѣщеннымъ народамъ Европы, у

нихъ свои университеты, академіи, много школъ, фабрикъ и т. п.

Мы, вѣроятно, остались бы нѣсколько дней въ Токио, но жара становилась все больше и больше. Поэтому рѣшено было уѣхать изъ Японіи на первомъ же пароходѣ, который уйдетъ въ Сибирь.

И на слѣдующій же день мы уже опять двинулись въ путь.

XVII.

ИЗЪ Японіи мы благополучно, безъ особенныхъ приключеній, прибыли въ предѣлы Россіи, въ Сибирь, и рѣшили сѣсть въ сибирскій поѣздъ, который доведетъ бы насъ обратно до Москвы.

Отъ другихъ пассажировъ на границѣ потребовали паспорта. Насъ-же пропустили безъ всякихъ препятствій. Очевидно, насъ не замѣтили и приняли за мухъ или жучковъ. Извѣстно, что у мухъ и жучковъ паспортовъ не бываетъ...

— Завтра мы уже будемъ сидѣть въ

поѣздѣ, который отправляется въ Москву, — мечталъ я. Но моимъ мечтамъ не суждено было сбыться.

Въ поискахъ вокзала мы сбились съ пути и очутились въ глухихъ, пустынныхъ мѣстахъ. Всѣ дороги куда-то исчезли.

Къ тому же и погода измѣнилась, наступили холода, повалилъ снѣгъ. Долго блуждали мы туда и сюда, разыскивая дорогу. Наконецъ, мы очутились въ тайгѣ, какъ называютъ въ Сибири густые, непроходимые лѣса. Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ становился гуще. Въ довершеніе всего поднялась мятель.

Идти сдѣлалось совсѣмъ невозможно. Снѣгъ слѣпилъ глаза, рѣзкій ледяной вѣтеръ пронизывалъ насквозь.

Мы дрожали отъ холода, не зная, какъ отогрѣть свои окоченѣвшіе члены. Особенно жалокъ былъ Китаецъ. Въ его легкомъ китайскомъ платьѣ ему было хуже, чѣмъ намъ всѣмъ.

— За-а-амерз-ззаю! — едва могъ выговорить онъ, вытаращивъ свои узенькіе глазки и выбивая зубами мелкую дробь.

— А я уже замерзъ! — заявилъ Тре-

уголка.—Мои ноги не ходять, придется ихъ передвигать руками!—и говоря это, Треуголка поднялъ руками свою лѣвую ногу и такъ махнулъ ею въ воздухъ, что чуть не попалъ въ носъ подвернувшемуся Скоку.

Хорошо чувствовалъ себя одинъ только Эскимосикъ.

— Просто прелесть какой морозецъ!—восторгался онъ.

— Ты, Эскимось, молчи!—сердито остановилъ его Матросикъ.—Тебѣ одному хорошо въ твоёмъ мѣховомъ мѣшкѣ!

За а-амер—
ззаю!—едва
могъ выгово-
рить онъ...

Хорошо чув-
ствовалъ себя
Эскимосикъ...

Матросику самому было очень холодно и потому у него было плохое настроеніе. Онъ вытаращилъ глаза, разставилъ руки и выглядѣлъ такъ свирѣпо, точно собирался вступить въ рукопашную.

— Вы бы развели огонь! — посовѣтовалъ Эскимосикъ.

— А въ самомъ дѣлѣ! — обрадовался Матросикъ.—Скорѣе, друзья, давайте, разведемъ костеръ!—и онъ живо принялся за

дѣло. Мы усердно стали помогать ему. Изъ-за вѣтра и снѣга дѣло долго не ладилось, но, наконецъ, благодаря стараніямъ Матросика, огонь запылалъ. Мы съ удовольствіемъ начали грѣться.

Онъ вытара-
щилъ глаза и
разставилъ
руки...

А снѣгъ, между тѣмъ, сыпалъ и сыпалъ.

Переносить мятель долѣе стало невозможно. Насъ могло совсѣмъ занести снѣгомъ. Съ сожалѣніемъ покинувъ костеръ, мы двинулись дальше.

Мѣстами снѣгу насыпало столько, что мы проваливались по самое горло. Иногда казалось, что намъ никогда уже не удастся выбраться отсюда.

Наконецъ, къ нашей радости, лѣсъ сталъ рѣдѣть, и мы очутились на открытой полянѣ.

— Господа, — весело закричалъ Вертушка, — смотрите-ка, жильѣ близко! Вотъ тамъ видѣются два огонька!

— Нѣтъ, даже больше двухъ, — замѣтилъ

Благодаря стараніямъ
Матросика, огонь за-
пылалъ...

Скокъ, всматриваясь вдаль при наступившихъ сумеркахъ.—Три, четыре, пять... Ого! Да тутъ, вѣроятно, цѣлая деревня!

Заинтересованные, мы всѣ тоже стали вглядываться. Вдали, въ самомъ дѣлѣ, сверкали какія-то свѣтлыя точки.

— Удивительно,—бормоталъ Индѣецъ,

Мы проваливались по самое горло...

вперяя свои зоркіе глаза въ даль,—мнѣ кажется, будто эти огоньки движутся. Странно! Очень странно!

— Волки!—закричалъ онъ и судорожно схватился за свой топорикъ...

Вдругъ его глаза стали совсѣмъ круглыми.

— Это волки! — кричалъ онъ не своимъ голосомъ и судорожно схватился за свой топорикъ.

Волки насъ совсѣмъ до-
гнали...

— Волки! Вол-
ки! — какъ эхо повто-
ряли мы и отъ страха
не были въ силахъ
двинуться съ мѣста.

Наконецъ первый
опомнился Знайка.

— Спасайтесь! —
крикнулъ онъ, — бѣ-
жимъ въ лѣсъ, ско-
рѣе, на деревья!

И онъ бросился
бѣжать.

Мы пустились за
нимъ.

Къ нашему ужа-
су, скоро до нашего
слуха долетѣлъ жа-
лобный вой.

Собравъ всѣ свои
силы, мы, казалось,
не бѣжали, а летѣли
все впередъ и впе-
редъ. Однако, голод-
ные волки почуяли,
должно быть, до-

бычу. Они бросились за нами и преслѣдовали насъ такъ быстро, что скоро стало слышно щелканье ихъ страшныхъ зубовъ.

Никогда еще намъ не приходилось такъ плохо. Прошла минута, другая, и волки насъ совсѣмъ догнали.

Съ ужасомъ я почувствовалъ вдругъ, что одинъ изъ нихъ схватилъ меня за ногу.

Я обернулся и ударилъ волка по лбу...

Не помня себя, подпрыгнувъ отъ боли, я обернулся и со всего размаха ударилъ волка по лбу своей тросточкой. Ошеломленный хищникъ на моментъ отступилъ, но потомъ снова кинулся на меня. Мнѣ не миновать бы его острыхъ зубовъ, если бы, къ счастью, вблизи не было большого дерева. Быстрѣе молніи метнулся я къ дереву и, съ ловкостью дикой кошки, взобрался на вѣтку.

Разозленный волкъ остался внизу щелкать зубами.

На деревѣ было уже много лѣсныхъ малютокъ, спасшихся, какъ и я, отъ своихъ преслѣдователей.

Разсвирѣпѣвшіе волки окружили дерево, скаля зубы и стараясь достать до насъ. Они подпрыгивали, царапали по стволу когтями, выли...

Едва я успѣлъ взобраться на дерево, какъ одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ волковъ, подпрыгнувъ, вцѣпился зубами въ ту вѣтку, на которой я сидѣлъ. Только ударъ моей тросточки вторично спасъ меня отъ него. Въ ту же минуту другой волкъ, ловко прыгнувъ, ухватилъ зубами фалды сюртука доктора Мазъ-Перемазъ. Бѣдный докторъ, навѣрно, свалился бы съ дерева, если бы его не удержалъ Заячья-Губа. Во всякомъ случаѣ, сюртукъ его сильно пострадалъ, такъ какъ часть его осталась въ зубахъ у волка.

Между тѣмъ волки, озлобленные тѣмъ, что никто изъ насъ, лѣсныхъ малютокъ, не попалъ имъ на зубы, выли, стонали, скулили. Очевидно, однако, они все еще не потеряли надежды насъ схватить и не хотѣли

На деревѣ было уже много лѣсныхъ маютокъ...

такъ скоро разстаться съ ускользнувшей отъ нихъ добычей. Проходилъ часъ за часомъ, а

они все еще караулили насъ подъ деревомъ, страшно щелкая зубами и жалобно воя. Въ темнотѣ наступившей ночи сверкали лишь ихъ горячіе глаза, принятые нами раньше за огоньки.

Мы стали приходить уже въ отчаяніе.

Что будетъ, если волки вздумаютъ караулить насъ цѣлую недѣлю? Не сидѣть же намъ вѣчно на деревѣ и ждать голодной смерти.

Я, какъ самый храбрый, первый заговорилъ о томъ, что намъ слѣдовало бы какъ-нибудь спуститься, обмануть волковъ и убѣжать.

— Что ты! что ты! Мурзилка!—закричали всѣ лѣсные человѣчки.

Такъ прошла ночь, въ теченіе которой никто изъ насъ, конечно, не сомкнулъ глазъ.

Къ счастью, волкамъ, очевидно, надоѣло ждать, и на разсвѣтѣ они покинули насъ и удалились въ глубину лѣса.

Со страхомъ спустились мы съ дерева и, осторожно, чтобы случайно не обратить вниманія волковъ, по одиночкѣ направились въ противоположную сторону. Снова нача-

лось наше путешествіе по снѣжной пустынѣ. Много дней блуждали мы, совершенно не зная, гдѣ мы находимся, пока, наконецъ, какимъ-то чудомъ добрались до самоѣдскаго селенія.

Самоѣды еще мирно спали, когда мы подошли къ первому съ краю жилищу или, какъ ихъ называютъ самоѣды, кибиткѣ, сдѣланной изъ шкуръ собакъ.

У этого жилища стояли сани, запряженные собаками, такъ какъ самоѣды ѣздятъ, большею частью, на собакахъ, впряженныхъ въ легкія санки. Въ каждыя санки впряжены были по три пары собакъ. Не было сомнѣнія, что самоѣды рѣшили въ это утро совершить какое-нибудь большое путешествіе.

— А что, братцы, не воспользоваться ли случаемъ и не проѣхаться ли на собакахъ?—предложилъ Скокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — произнесъ Карапузикъ.—Какъ можно отнимать у бѣдныхъ самоѣдовъ ихъ собакъ.

Мы ихъ и не отнимемъ,—объяснилъ Скокъ.—Доѣдемъ только до ближайшаго города, а тамъ пустимъ ихъ обратно. Со-

баки и вернутся домой. Самоѣды даже, пожалуй, и знать не будутъ, что мы воспользовались ихъ собаками.

Предложеніе Скока было послѣ этого принято единогласно.

Но насъ было такъ много, что собакъ не хватило.

— Ну, что-жъ, не бѣда!—воскликнулъ Знайка,—я вижу, здѣсь стоятъ олени. Самоѣды ѣздятъ и на оленяхъ. Олени отлично замѣняютъ имъ лошадей. Санки здѣсь имѣются—давайте запрягать оленей.

Прошло нѣсколько минутъ, и олени уже запряжены въ сани.

Размѣстившись, мы тронулись въ путь. Собаки мчались такъ быстро, что нѣкоторые изъ насъ не удержались и попадали въ снѣгъ. А санки съ оленями едва поспѣвали за нами.

Ѣзда на собакахъ и оленяхъ продолжалась нѣсколько часовъ. Наконецъ, мы доѣхали до какого-то маленькаго сибирскаго городка. Тамъ мы остановились и отпустили собакъ и оленей, привязавъ санки, запряженные оленями, сзади санокъ, запряженныхъ собаками. Сами же мы отправились

нанимать лошадей. Вскорѣ лошади были наняты, мы разсѣлись въ удобныя почтовые

Мы тронулись въ путь...

сани и благополучно, безъ всякихъ приключеній добрались до ближайшей станціи желѣзной дороги.

Здѣсь мы сѣли въ поѣздъ. Усталые, измученные, мы тотчасъ же заснули, за-

бывъ даже о томъ, что мы нѣсколько дней ничего не ѣли.

Прошло нѣсколько времени, раздался звонокъ, и поѣздъ тронулся.

— До свиданія! До свиданія! — кричали мы, махая изъ окна вагона шляпами и платками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ОЙ дневникъ законченъ. Но далеко не закончены приключенія лѣсныхъ человѣчковъ-эльфовъ, потому что мы, эльфы, не любимъ сидѣть на одномъ мѣстѣ и, отдохнувъ послѣ одного путешествія, тотчасъ же отправляемся опять странствовать по бѣлу свѣту. Да, мы неутомимые путешественники. Мы побывали уже почти во всѣхъ странахъ міра, но насъ постоянно тянетъ опять совершить новое путешествіе и посмотреть все то, чего мы еще не видѣли. Въдъ земной шаръ такъ великъ!

Вотъ отдохнемъ мы немного—и опять въ дорогу.

У меня уже готовъ новый чемоданъ и... новая тетрадь, куда я буду записывать всѣ тѣ приключенія и встрѣчи, которыя ожидаютъ насъ.

А что у насъ будутъ приключенія, въ этомъ я не сомнѣваюсь. И ничуть не боюсь, потому что хотя меня и считаютъ трусомъ, но я знаю, что я, Мурзилка, храбрецъ, и тотъ, кто внимательно прочелъ мой дневникъ, долженъ непременно сказать:

— Да, Мурзилка—храбрый малый!

ГПБ Русский фонд

50 / 815